

СВЕТЛАНА ФЕРРО

ОТБОР
В АКАДЕМИИ
СТИХИЙ

ПРИНЦЕССА ДЛЯ ВЫСШЕГО

Светлана Ферро
Отбор в Академии Стихий.
Принцесса для Высшего
Серия «Возрождение
драконов», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69760897
SelfPub; 2023*

Аннотация

Из тихой обители, в которой она прожила 18 лет, Тею забирают в Академию стихий. Законы Империи Огня ей непонятны. Чтобы не повторить судьбу запертой в обители матери, ей придётся найти ответы на многие вопросы: # кто отец, # почему так странно ведёт себя обычная домашняя кошка.# как извлекать огонь из ящера, # кто и за что на неё открыл охоту,# понять, как противостоять настойчивому магу воды, если к нему так тянет. # ну и главное: чем она так интересна для умирающего императора и связанного с ним дракона

Содержание

Глава 1. Инспекция	5
Глава 2. Незнакомец	17
Глава 3. Канахи	28
Глава 4. Новая обстановка. Лали.	40
Глава 5. В новом окружении. Лера	49
Глава 6. В загоне с ящерами	62
Глава 7. На канате. Знакомый незнакомец	72
Глава 8. Села в лужу	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Светлана Ферро

Отбор в Академии Стихий.

Принцесса для Высшего

Глава 1. Инспекция

– Ты, главное, не волнуйся, они просто проверят, есть ли в тебе хоть зёрнышко магии, – мамин голос проседает от страха за меня, но на лице безмятежная улыбка.

Больше она ничего не добавляет. Кто их знает, этих столичных магов, вдруг у них слух как у драконов. И они слышат даже сквозь стены.

– Иди.

Стражник открывает передо мной резную в четыре моих роста дверь в главный неф собора. И я, робея, вхожу.

Зал выглядит как обычно: гладкие блестящие стены из черного обсидиана, ряды низких скамеек для коленопреклонения при вознесении молитв Богу Огня.

Внимание приковывают: раскалённая чаша алтаря с неугасимым пламенем и огромная фреска во всю стену за ней, на которой изображено лицо Бога-Императора. В зрачках Властителя огненные сполохи. Он смотрит на всех входящих к нему. Но если обычно нас много, и можно затеряться в толпе таких же, как я, послушниц, то сегодня я одна. Он смотрит прямо на меня.

Мне не по себе. Я невольно отвожу глаза и натыкаюсь на кинжальный взгляд. Человек в чёрном плаще стоит, прислонившись к колонне. Я видела его год назад. Его трудно забыть. Безразличное, словно замороженное выражение лица

и живой режущий взгляд. Он проникает внутрь моей головы. И я с ужасом понимаю, что волнение и страх могут меня выдать. Тут же одёргиваю себя. Все волнуются – это нормально, главное не проявить ни одного магического всплеска. Медленный вдох, выдох. Потухшие угольки костра, подёрнутые пеплом, – это то, что у меня внутри. На них никогда не появится даже крошечного язычка пламени. Я пуста.

Инспектор разочарованно вздыхает, говорит кому-то:

– Надо же, а на первый взгляд такая многообещающая девочка.

– Не зря говорят: «На детях магов природа отдыхает», – глубокий рокочущий голос, пробирающий до костей.

Только сейчас я замечаю, что Инспектор не один.

У стены небольшой переносной стол, за ним два кресла черного дерева. Всё это сливается с полумраком, заполняющим углы собора. В одном из кресел сидит человек в тёмно-вишневой мантии. За его спиной в угодливой позе стоит согнувшись глава нашей обители.

Толстяку трудно стоять в полупоклоне, но он старается изо всех сил. Крохотная искорка злорадства вспыхивает в моей душе. Куда делось его чванливое высокомерие? И тут же вспоминаю слова матери: тот, кто унижает слабых, готов ползать перед вышестоящими. Пфф... Но не настолько же явно. Мне становится неприятно. Хотя гость действительно необычный. Тёмно-вишневую мантию носят высшие маги. Девятый уровень.

И... я готова поспорить на свой день отдыха: он не въезжал в ворота обители. Да все только о нём и говорили бы. Как он оказался здесь? Неужели это правда, что высшие способны проходить сквозь пламя алтаря: войти в одном соборе, а выйти в другом? Я смотрю на него во все глаза. И моя детская реакция окончательно убеждает их в моём ничтожестве.

– Похоже весь дар вышел в цвет волос, – разочарованно продолжает Инспектор, намекая на мою огненно-рыжую шевелюру. И я испытываю облегчение. У меня получилось.

– Увы. Иди дитя, – мощный бас высшего подталкивает меня к двери. А мне в его вежливо-равнодушном тоне слышится: «Пошла вон». И я этому рада.

– Тея, тебе лучше не выходить из кельи, пока они не уедут, – я понимаю маму, она хочет перестраховаться. Но там во дворе настоящие ездовые ящеры, дальние родственники драконов. Мне необходимо их увидеть. В нашей обители тишь да гладь день за днем, месяц за месяцем. Единственное жутковатое развлечение – появление Инспектора раз в год, в день весеннего равноденствия. Он приезжает, чтобы проверить, не появились ли особые способности в достигших совершеннолетия бастардах магов. И если находит хоть намёк на огненную стихию, юноши и девушки бесследно исчезают. Ни разу за все эти годы ни один из них не прислал весточки. Нет ничего страшнее неизвестности.

Но теперь я могу расслабиться. Меня вычеркнули из списка одарённых. И мама зря волнуется. Если я не выдала себя глаза в глаза, то, если где-нибудь и мелькну, никто не обратит внимания на такую пустышку.

– Ну, мам, я издала, я только посмотрю на драконов.

– Это ящеры, а не драконы.

– Какая разница? Они так на них похожи.

– Из окошка, – сдаётся мама.

– Первого этажа, – закрепляю я успех. И, не дожидаясь нового предостережения, чмокаю маму в щёчку и выскальзываю за дверь.

– Несси, стой, – это уже не мне. Дымчато-серый комок, сверкнув глазами, обгоняет меня. Моя любимая кошка. Ей столько же лет, сколько и мне, восемнадцать. И она редко покидает нашу келью. Но надо же, сегодня бодрячком.

– Несси, – строгим маминым голосом говорю я. – Вот тебе точно не стоит туда соваться, – но вредная кошка, не оборачиваясь, брезгливо передёргивает шкуркой между лопатками и скрывается за поворотом. Буду надеяться, что к ящерам она не полезет.

Мама говорила драконы, а значит, и ящеры – родственники хангов. А ханги родня волков и собак. А значит... короче, кошке лучше не лезть к дальней родне собак. Я фыркнула: где дракон, а где собака. Сама мысль об этом забавна. Глуposti какие-то.

Сначала я с опаской выглянула из окошка второго этажа. Ящеры заняли собой большую часть двора обитали. Лежат себе спокойно на солнышке, огнём не пыхают. И впрямь мирные дворовые собачки. Слуги, однако, обходят их по широкой дуге. Но ящеры даже глаз не открывают. Чешуя блестит на солнце темно-зелёным змеевиком. Только теперь я понимаю, откуда взялось это название. Интересно она сильно нагревается на солнце? Вот бы потрогать. Один из ящеров лежит у самой стены, прямо напротив окошка первого этажа. И оно так провоцирующе открыто. Ну я же только пальчиком.

Спускаюсь на первый этаж. Чешуйчатый бок совсем рядышком. Оказывается, вблизи он не ровного темно-зеленого цвета, в глубине каждой чешуйки целая радуга оттенков. Рука сама тянется. Я успею её отдернуть в любую секунду. Касаюсь: бок сухой и теплый, и немного бархатный. Не удержавшись, провожу рукой, и ящер вздрагивает.

Ой! Он резко вскакивает на лапы, и я отшатываюсь от окна, ожидая, что вот-вот его треугольная голова повернется в мою сторону и полыхнет огнём, наказывая за дерзость. Огня я не боюсь. Но, если придётся защищаться, я могу себя выдать.

Кажется, повезло, ящер даже не взглянул на меня. Полыхнул огнём в сторону двора, отбежал, снова полыхнул. В ответ раздаётся заполошное кудахтанье. Откуда?

Теперь мне виден весь двор. И я не могу сдержать смех.

Странно, я столько смеюсь, наверное, это нервное. Но картина и впрямь умопомрачительная. Откуда только бодрость взялась в разомлевших на солнце рептилиях. По двору мечется не весть как забредшая несущка. А ящеры, толкаясь и мешая друг другу, носятся следом, пытаюсь её поджарить. Двор наполнился дымом. Курица ежесекундно меняет направление, то скрываясь в клубах дыма, то выскакивая из них под неожиданным углом, и охотники промахиваются.

Видеть этих величественных драконьих родственников в роли кошек, гоняющих мышь, настолько неожиданно, что у меня слёзы выступают на глазах от хохота.

Ох, не к добру я вспомнила о кошках. Серый комок отделяется от клуба дыма, прыжок, и Несси, вцепившаяся в крыло орущей курицы, застывает прямо под моим окном в позе победителя. Ящеры замирают на мгновение, а потом разом открывают пасти. Не помню, как я перелетела через подоконник, а, главное, каким местом я думала.

– Те-е-ея! Н-е-е-ет! – в мамином голосе слышатся ужас и отчаяние.

Прихожу в себя после того, как выставила огненный щит, прикрывший меня и глупую кошку. Нет, не так, глупую меня и кошку.

– Так-так-так, – рокочет надо мной бас. И через миг ящеры, подчиняясь невидимой команде пятятся, а я, понимая весь ужас случившегося, поднимаю глаза. В окне второго

этажа стоят Инспектор и тёмно-вишневый. Высший благо-
склонно хлопает Инспектора по плечу:

– Хорошая была идея – раздраконить ящеров. Заслужива-
ешь награды, – и мне: – Собирайся, девочка, прятки закон-
чились.

Всё было подстроено? Я так глупо выдала себя из-за кош-
ки. Высший скрывается в глубине здания, а Инспектор смот-
рит уже в другую сторону и рычит:

– Взять её.

Кого её? Меня? Нет, он указывает на мою маму. И два во-
ина из сопровождения Инспектора мгновенно повинуются.

– Не троньте, – кричу.

– Она пыталась скрыть твой дар! Ты же знаешь, какое на-
казание ждёт того, кто прячет одарённого? – снисходит до
объяснения Инспектор.

Я знаю и кричу:

– Нет! Если вы её тронете, я сожгу любого, кто ко мне
подойдёт.

Инспектор делает рукой жест, останавливающий уже шаг-
нувших ко мне нукеров. В его колком взгляде, устремлённом
на меня, – неподдельный интерес. Лицо впервые разморози-
лось. Он ухмыляется:

– Даже так?

И в следующий момент я чувствую себя скованной неви-
димой патоккой. Тянусь к огню, я его чувствую, но наружу он

не идёт.

– И что теперь, девочка, – в его голосе слышится презрение мастера к неумёхе. Он снова делает жест рукой в сторону моей мамы. Нукеры сейчас бросятся. И я неожиданно успокаиваюсь:

– Что теперь? Хотите получить головешку? Я сожгу себя, если вы прикоснетесь к моей матери, – я полна решимости сделать это. Тех, кто скрывает одарённых, ждёт жуткая смерть: их привязывают к хвостам ящеров и разрывают на части. Да я лучше умру вместе с моей мамой.

Примороженный смотрит мне в глаза, наверное, пытается понять, смогу ли я выполнить то, чем угрожаю. Наконец, кивает:

– Хорошо. Эй, Гарди, поди сюда!

Главный наставник обители подбегает с подобострастным выражением на физиономии. Толстяк сейчас похож на дворовую собачонку, виляющую хвостиком и одновременно дрожащую. Его жировые складки трясутся как холодец.

– Я оставлю эту женщину здесь, – кивок в сторону моей мамы. – Она будет заложницей. Если её дочь попытается сбежать по дороге в столицу, я вернусь. И горе тебе, если *эта* исчезнет. Ты меня понял?

– Да, сиятельный! – хрипит наш боров, лицо его наливаются кровью.

– За неделю мы доберёмся до столицы, через две можешь вернуть этой женщине обычную свободу... в рамках обите-

ли.

Маг поворачивается ко мне:

– Ты поняла?

Я молча киваю.

– Теперь ты будешь хорошей девочкой?

Я снова киваю. И чувствую, как исчезает патока, сковывающая меня. Осторожно пробую вывести крошечный огонёк на ладонь так, чтобы не увидел примороженный. Огонь слушается, а маг снова ухмыляется. Он всё видит.

– Ну что ж, так даже лучше. Твою мать никто не тронет, пока ты покорна. Женщина, собери своей дочери всё, что нужно в дорогу. Мы отправляемся сейчас.

Вещей у меня немного: две лёгкие запасные туники, тёплый плащ на все случаи жизни и пара ботинок на холодное время года. Всё это завязано в тугой узел. Подруги пытаются вручить мне корзинку с провизией, но инспектор останавливает их презрительным жестом.

– В этом нет необходимости.

Неожиданно для меня, он разрешает мне проститься, обнять мою мамочку. Я чувствую, как содрогается от неслышных рыданий её тело в моих объятиях, и пытаюсь сдерживать слёзы. Это трудно, но мне удаётся. Впереди неизвестность. Мне нельзя показывать слабость. Я уже продемонстрировала силу, и только поэтому моя мама будет жить.

– Прости, мам, я так виновата.

– Это должно было случиться. Такой дар, как у тебя, труд-

но долго скрывать. Береги себя.

– Я всё равно сбегу, только не сразу. Я смогу.

– Нет, раз уж так получилось, научись управлять своим даром. Стань лучше всех. И вернись высшей.

– Разве женщины могут стать высшими?

– Асида же была.

– Ну, мам, это легенда.

– Так и стань легендой. В тебе дар от... – она силится что-то сказать, но голос ей не повинуется. Печать немоты. Так было всегда все эти годы, на любые мои расспросы об отце. Но на меня этот запрет не распространяется, и я помогаю ей:

– Дар отца?

Вижу по глазам, что мама силится хотя бы кивнуть. Но и это ей не удаётся.

– Ладно, я поняла. Не бойся за меня. Я справлюсь, и я вернусь.

– Пора, – маг открывает дверцу кареты и... наклоняет голову. Сначала мне показалось, что он издевается над моей беспомощностью, но нет, взгляд его отстранён, ни намёка на насмешку.

– Прощу, – он даже подаёт мне руку, помогая подняться по крутым ступеням. Тон его холоден, но вежлив. Он снова в своём замороженном состоянии. Мне пока не хочется думать над переменной в его поведении. В приоткрытую дверь я вижу заплаканное лицо мамы, и снова острое чувство вины

пронзает меня.

Прежде чем дверца захлопнулась, отрезая меня от детства, в карету влетает клочок дыма. Нэсси, моя кошка и причина моего пленения забивается под сиденье. Вытащить и высадить её я не успеваю. Карета трогается с места. Ручки на двери с внутренней стороны нет. Меня заперли. Инспектор вслед за мной не поднялся. Я оказываюсь одна в роскошной обстановке.

Мне страшно и больно, но я не могу не отметить, как мягко покачивается карета. Мне приходилось пару раз ездить в дилижансе. Трясло так, что синяки не проходили несколько дней. Интересно, ход кареты обеспечивает магия или мастерство колесника.

Нэсси осмелев выбирается из-под дивана, и по-хозяйски ложится напротив меня на обтянутую бархатом подушку. Она явно чувствует себя более уверенно, чем я в этой роскошной обстановке. Я наконец осматриваюсь: два дивана, на которых можно спать, вытянувшись во весь рост. Резной столик, намертво прикреплённый к полу. А на нём, судя по запаху, еда, прикрытая чистейшим льняным полотном. Только теперь я вспоминаю, что почти ничего сегодня не ела.

– Ну что, вредная кошка, как насчёт поесть?

– Мррряу, – Нэсси резво вскакивает, и передние лапки её уже на столе.

– Эх ты, высажу я тебя на первой же остановке, вернёшься домой.

Кошка возмущённо фыркает и цепляет когтем полотно, закрывающее еду.

Ох, что-то мне подсказывает, что ей нравится путешествовать. И мне не так-то просто будет отправить её домой.

Глава 2. Незнакомец

Всю свою осознанную жизнь я мечтала о путешествии. Увидеть хоть кусочек мира вне стен обители. Мечта сбылась, но как-то корявенько.

Плотные шторы кареты защищали от палящего солнца, а когда я пыталась выглянуть наружу, то сквозь облака красной пыли, которая оставалась за ящерами, разглядеть что-то было сложно. К тому же меня укачало. И я потеряла всякий интерес к тому, что находится вокруг. Мягкое покачивание кареты на колдобинах привело к тому, что на остановках я первые несколько минут не могла стоять на ногах ровно. Меня шатало, как гуся, переевшего винных ягод. Оно и к лучшему. Зато туман, в котором я пребывала, притупил боль от разлуки с мамой. Про кошку я вспоминала только тогда, когда карета трогалась с места, и Несси занимала облюбованный ей диванчик.

Днём, как правило, останавливались на один-два часа в каком-нибудь тенистом месте у водоёма, и этого времени мне едва хватало, чтобы прийти в себя. Ночь проходила в одной из придорожных таверн. Только вечером я рисковала запихнуть в себя некоторое количество еды, не рискуя при этом сразу же с ней расстаться. А потом старалась уснуть полулёжа, полусидя, потому что едва я принимала горизонтальное положение, как таверна принималась раскачиваться.

Ничего удивительного, что к шестому дню сил у меня почти не осталось. И в какой-то момент случилось то, что должно было случиться. На крутой лестнице очередной таверны моя нога встала на край ступеньки, и я полетела вниз. Услышав мой вскрик, идущий впереди охранник развернулся всем телом, оказавшись ко мне боком. И вместо широкой спины, в которую у меня был шанс затормозить, на моём пути открылся свободный проход. Будь это маг, а не простой стражник, меня, скорее всего, поймали бы на щит. Маги привыкли быстро реагировать, закрывая свою тушку щитом в любой непонятной ситуации. Но и в этом мне не повезло, и я закрыла глаза, покорившись неизбежной встрече со ступеньками или с полом у изножья лестницы. «Та бу до», – как говорила моя восточная няня, и действительно, «разницы не много» обо что я сломаю шею.

Но ожидаемого удара не случилось. Меня приняли чьи-то мощные руки. Не открывая глаз, я вдохнула чудесный древесный аромат кедра, можжевельника и чего-то ещё терпко-пряного, волнующего воображение. Не сразу поняла, что нахожусь в объятиях незнакомого мужчины. Его горячее дыхание коснулось моих глаз, а короткая щетина уколола щёку. Удивительно, но никакого смущения в первый момент я не почувствовала. Мне стало спокойно и уютно.

– О! Какой шустрый огонёк попался, – выдохнул мне прямо в ухо низкий хриловатый голос, от которого мурашки разбежались по всей моей спине.

Но уже в следующее мгновение меня выдернули за руку из спасительных объятий. Охранник отодвинул меня к перилам, почти перегородив обзор, но я всё же успела заглянуть в синие глаза незнакомца. В них – неподдельный интерес ко мне и абсолютное безразличие к угрожающей позе моего сопровождающего.

– Что тут у вас случилось? – Инспектор, как всегда неожиданно и вовремя. Хотя, как сказать, не поймай меня незнакомец, и Инспектор прибыл бы *своевременно* к моей переломанной тушке. А теперь возник во всей своей магической готовности применить силу, только ещё не понял к кому. Зато мой спаситель напрягся. Неужели тоже маг? Я почувствовала в нём силу, но очень странную, не похожую ни на один из оттенков огненной магии.

Эй, эти двое собрались выяснять отношения?

И я поспешила вмешаться:

– Господин Инспектор, я оступилась и упала с лестницы. И этот благородный незнакомец не позволил мне разбиться, – от волнения мой голос садится и звучит низко и хрипло. Мой спаситель снова переводит на меня взгляд, и мне кажется, интереса в нём к моей персоне стало больше. Он с видимым удовольствием вслушивается в мои слова, а по моей спине снова галопируют мурашки от его обволакивающего взгляда.

– Я должен вас поблагодарить, – звучит холодный голос Инспектора. Незнакомец кивает. Инцидент исчерпан.

И мы спускаемся в обеденный зал. Куда делось головокружение, не покидавшее меня все шесть дней пути? И откуда появилась слабость в ногах и тянущее ощущение в пояснице? Я чувствую взгляд неизвестного, провожающий меня, и понимаю, что он до неприличия пристально уставлен на выпуклую часть пониже спины. Кровь приливает к щекам, стучит в ушах. И я не сразу разбираю презрительно брошенные кем-то слова:

– О, явилась инспекторская подстилка.

Поворачиваю голову в ту сторону, откуда прозвучал голос. За отдельным столом в самом углу сидят другие одарённые, присоединившиеся к нашей кавалькаде позже меня.

Они ехали с меньшими удобствами, чем я – в крытых повозках. Да какие там повозки, обычные крестьянские телеги с шестами по углам, на которых кое-как крепились большие полотнища ткани. От пыли они защищали плохо, и на дневных стоянках я подсознательно отмечала измученные запылённые лица моих невольных спутников. Всадникам на ящерах было немногим лучше. Лица магов и их нукеров во время движения были почти полностью закрыты плотной тканью. И если в начале пути эти повязки отличались по цвету, то на третий день они покрылись ровным слоем красноватой пыли. Но они ехали в начале процессии. Там хоть как-то можно было дышать. Основная же пыль доставалась замыкающим.

Из-за собственных проблем я не задумывалась, что ко-

му-то может быть гораздо хуже, чем мне, и о том, чем я заслужила такое особое отношение. А вот, оказывается, у кого-то было время и разглядеть, и придумать объяснение.

Краем глаза вижу, как Инспектор привычным жестом указывает на стул рядом с собой. Ну вот оно и объяснение. Нет уж, господин Инспектор, я такая же пленница как эти, и мне придётся на новом месте общаться с ними, а не с вами. И лучше уж начать сейчас. В груди в области сердца разгорается уверенный огонь. Это не злость, не ненависть к наглецу, осмелившемуся сказать обо мне гадость. Это просто спокойная убеждённость в своих силах и в своём праве. Мне больше не надо скрывать мой дар, и от этого легче. Надоели прятки. Теперь я никому не позволю оскорбить или унижить меня.

Я медленно подхожу к столу одарённых, и вкладывая в свой голос тонну презрения и сарказма, интересуюсь.

– Кто тут такой смелый?

Из-за стола лениво поднимается парень. Он, по меньшей мере, на две головы выше меня. Это ж мне потом придётся подпрыгивать, чтобы дотянуться до его наглой морды. Поэтому не дожидаясь, пока он распрямится полностью, я с размаха награждаю его увесистой оплеухой. Он падает обратно на скамью и мгновенно вскакивает. Презрительное выражение лица меняется на озлобленное. Вот теперь поговорим. На его правой ладони появляется огненный шарик.

– И это всё, малыш? – с моей открытой ладони срывается огненный вихрь, сдувает жалкий шарик с ладони парня и от-

брасывает его самого обратно на скамью. Нежно и ласково. Я не собираюсь травмировать этого глупого переростка.

В полной тишине я наклоняюсь к ошарашенному парню и говорю:

– В следующий раз за подобные слова я выжгу твой грязный язык. Ты меня хорошо понял?

Что-то в моих глазах заставляет парня часто закивать. И я распрямляюсь, не спуская с него глаз. Нельзя сразу после конфликта выпускать противника из поля зрения. Загнанный в угол, кажущийся побеждённым человек способен на неожиданный удар в спину. Но нет. Он действительно понял.

За моей спиной раздаются аплодисменты, сначала одиночные, а затем... кажется, вся таверна благодарит меня за представление.

– Красиво! – в вечно ледяном голосе Инспектора проклевываются ростки жизни.

– Характер, – в знакомом волнующе низком голосе я слышу одобрительные нотки. *Этот* что, тоже видел? Он же вроде поднимался наверх. И... наверняка, слышал, что обо мне сказали. Мне становится не по себе. Что он может обо мне подумать? Лицо начинает теплеть от прилива крови, и я чуть наклоняю голову, чтобы волосы хоть немного его прикрыли. Но тут же одёргиваю себя и выпрямляюсь. Какое мне дело до мнения неизвестного. Я здесь и сейчас, среди тех, с кем мне предстоит жить и общаться. А его я больше не увижу. Никогда. И тут сердце моё предательски сжимается.

– Госпожа Тея, ваш завтрак, – Инспектор снова указывает мне на место рядом с собой.

Я поворачиваю голову, но смотрю мимо главы нашей кавалькады. Мой нечаянный спаситель никуда не ушёл, он так и стоит у подножия лестницы, глядя на меня. И я увязаю в его синих глазах и одновременно словно издалека слышу собственный голос, вежливый и спокойный:

– Благодарю, господин Инспектор, но я, пожалуй, останусь здесь среди таких же, как я, – мне удаётся справиться с собой и отвести взгляд от незнакомца. И я уверенно занимаю место на скамье рядом с черноволосой девчонкой.

– Привет, – она встречает меня открытой улыбкой. – Я Кора.

– Тея, – отвечаю я, невольно улыбаясь в ответ.

– Я слышала, госпожа Тея, – подчеркивая обращение, она явно проверяет меня: своя я, как только что сказала, или всё-таки не очень.

– Рада знакомству, госпожа Кора.

Кора весело хохочет. Остальные за столом тоже начинают неуверенно улыбаться.

Только переросток смотрит хмуро. Сможет ли он пережить своё унижение? Посмотрим. На всякий случай придётся теперь ушки на макушке держать. Плохо, если нажила врага, но лучше, чем если бы проявила слабость.

В хорошей компании – хороший аппетит. Я впервые за

всё путешествие с удовольствием поела, хотя стол одарённых был скромнее инспекторского. Впрочем, за инспекторским я как раз почти ничего не ела, так что сравнить могу только на глаз. Тёплую нотку в отношения с новыми знакомцами приносит Несси. Она вскакивает ко мне на колени, оглядывает стол и коготком аккуратно подцепляет кусочек козьего сыра.

– У тебя очень умная кошка, – говорит юноша с длинными белокурыми волосами, стянутыми в хвост.

Я вопросительно поднимаю бровь.

– А ты будто не знаешь? Думаешь, почему она не голодная?

Я посмотрела на Несси, лениво жуящую кусочек сыра. Словно одолжение делает.

– Да её в каждой таверне по утрам кормят на убой, – продолжает парень.

– Это за какие заслуги?

– Мыши. Она выкладывает до десятка дохлых тварей на пороге кухни с раннего утра. Меня удивляет только то, что её у тебя до сих пор не украли. Могли бы запереть и не выпускать, пока не уедешь.

– Запрёшь её как же, – проворчала я и погладила виновницу моего нынешнего путешествия.

– Меня зовут Дэн.

– Рада знакомству. Тея.

С остальными одарёнными: тремя девушками и четырь-

мя парнями я познакомиться не успеваю. Инспектор даёт команду срочно собираться.

Иду наверх за своими немногочисленными пожитками. За мной тащится всё тот же охранник, который не в состоянии поймать пролетающую мимо девушку. Толку тогда от его присутствия. Ясно же, что я никуда не сбегу.

Синеглазый незнакомец уже исчез. И мне почему-то становится грустно. Наверное, во всём виноват его запах. Он как напоминание о мире, в котором я прожила свои восемнадцать лет. О лесе, в котором мы так часто собирали травы вдвоём с мамой. Кедр и можжевельник. Или не только лес? Пряно-терпкий аромат его кожи, в которую мне довелось уткнуться носом, тоже отпечатался в памяти. И неожиданно сильно. Едва вспоминаю о нём, и живот сводит сладкой судорогой. Он чудится мне везде. Наваждение какое-то.

Охранник останавливается у моей двери и пытается вежливо произнести:

– Я подожду здесь, госпожа.

На этом знакомые слова в его лексиконе заканчиваются, и он натужно пыхтит, пытаясь что-то добавить. Я сжалась над несчастным:

– Я быстро.

Но быстро не получилось. Едва я закрыла за собой дверь, меня окутал уже знакомый запах леса. И, прежде чем я успеваю сообразить, что это не каприз памяти, оказываюсь в мужских объятиях и судорожно вдыхаю своё наваждение.

– Привет, Огонёк!

– Что вы себе...

– Тс-с, – и больше я ничего не успеваю сказать. Мой рот перекрывают губы незнакомца.

В следующий миг неожиданно для меня самой пламя отбрасывает наглеца, ну или точнее слегка отталкивает, потому что он успевает выставить щит. Очень необычный, тёмно-синий, с яркими голубыми проблесками. Теперь он стоит в шаге от меня и... улыбается?

– Я примерно этого и ожидал, девочка. Ты мне нравишься всё больше и больше, – тихо говорит он.

И так же тихо, помня о стражнике за дверью, шиплю я:

– Я, кажется, не давала вам повода.

– А он мне и не нужен. Достаточно того, что ты очень необычная девочка, а теперь я знаю, что и очень вкусная, – он кончиком языка пробует свои губы на вкус и заключает. – Сладкая.

– Убирайтесь. Я позову на помощь.

– А до сих пор почему не позвала?

Этот простой вопрос ставит меня в тупик. Вот правда, почему?

Магические заслоны уже исчезли. Он протягивает руку очень медленно, и на это мягкое плавное движение мой огонь не реагирует агрессией. Пальцы гладят мою щёку, и я замираю от незнакомого томительного ощущения внизу жи-

вота. Бездонные синие глаза опять слишком близко. Его губы слегка касаются моих. Шёпот:

– Мы ещё увидимся, Огонёк.

На окне колышется занавеска. В комнате, кроме меня, никого нет.

Глава 3. Канахи

Вниз я спускаюсь в глубокой задумчивости.

Ну почему я не позвала на помощь – могу легко объяснить. Хватит с меня разговоров и пересудов.

Но почему позволила приблизиться к себе во второй раз? Неужели... ну да, он на меня как-то подействовал. Магия?

Ты серьёзно? А на лестнице тоже была магия? Когда ты слетела к нему в объятия, и, пока стражник не вмешался, отнюдь не спешила из них выбираться. Не-ет, моя хорошая, это твоя распушенность, совершенно непозволительная.

Чувство одиночества после того, как резко лишилась дома, подвело. Обнимашек захотелось. Так это была не мамочка, чтоб ты знала, дорогая. Он, конечно, особенный, этот запах... всё, берём себя в руки и будем общаться с людьми осторожно, на расстоянии. Такого я больше не допущу. Увидимся? Следующий раз меня врасплох не застанет ни этот незнакомец, и вообще никто другой.

Вот только очень не хочется сейчас оставаться наедине со своими мыслями и ощущениями.

– Господин Инспектор, можно девушки поедут со мной? В карете много места ...

– Нет, – звучит холодно и безразлично.

– Но...

– Вам стоит научиться держать дистанцию с теми, кто ниже вас по статусу.

– По какому, к хангу, статусу?

В таверне устанавливается тишина. Чувствую, как кровь приливает к щекам. Я сама себя не узнаю, никогда прежде не позволяла себе ругаться. Последние события знатно вывели меня из себя. Не утро, а ханг знает что. Ну вот опять. Хорошо, что второй раз я ругнулась про себя.

Инспектор лишь ухмыляется уголком рта, наблюдая, как я меняюсь в лице. Я его явно забавляю. Он поясняет, не меняя тона:

– Они дети канахов.

– И что? Кто такие канахи?

На этот раз мне удалось его впечатлить. Челюсть Инспектора на мгновение отвисает. И в этом застывшем состоянии он, как ни странно, больше похож на живого человека. Ненадолго. Он оживает, и возвращает свой привычный облик бездушной мумии. Но нет, не совсем. В глазах его мелькает нечто, похожее на смешинки.

– Хорошо, госпожа Тея, можете пригласить в карету *одну* попутчицу, – неожиданно соглашается он.

Йехуу! Восклицаю я, слава Асхару, мысленно.

– Кора, поедешь со мной? – спрашиваю я, ни на что не рассчитывая. А вдруг моя новая знакомая не захочет покидать подруг. Но я ошибаюсь.

– Правда? – восторженно восклицает она и с опаской косится на Инспектора.

– Идём, – и, повернувшись к Инспектору, приседаю в неуклюжем реверансе. – Благодарю вас.

Уголок рта у статуи дёргается, но отвечает он не сразу и не мне, а Коре:

– Расскажешь нашей затворнице, кто такие канахи.

Я успеваю заметить, как тень пробегает по лицу Кору, но почти мгновенно скрывается под маской послушной девочки.

– Да, господин Инспектор.

Во дворе столпотворение людей и ящеров. Всем не терпится побыстрее добраться до столицы. Да и приехать туда надо засветло. На ночь город закрывает ворота.

Кора уже нетерпеливо переминается у ступенек кареты, покусывая нижнюю губу. Я оглядываюсь в поисках кошки. Куда пропала эта несносная животинка? Надо сказать, что за шесть дней пути меня впервые это беспокоит. Все предыдущие дни я думала только о том, как сохранить завтрак в себе. А Несси сама собой оказывалась на сиденье напротив меня. Может и сегодня сама объявится. И тут я понимаю, что меня тревожат слова Дэна, парня, с которым сегодня познакомилась за завтраком. Он удивлялся, что у меня не украли мою кошку. А вдруг именно сегодня это случилось? Я оглядываю двор с ещё большей тревогой. Да нет же, вот она.

Несси независимо шествует прямо перед мордами ящеров. До меня только сейчас доходит, что все ящеры в специальных огнестойких намордниках. Так и должно быть, чтобы рептилия не дохнула случайно огоньком. Почему же в нашей обители их запустили во двор, где ходят люди, без предосторожностей? Халатность? Или всё было подстроено: и ящеры, и несчастная курица? А Несси? Я фыркаю от смеха. Осталось нафантазировать, что с кошкой договорились. Ведь курицу я не стала бы защищать.

Тем временем Несси приближается. Она не торопится. Похоже, ей доставляет удовольствие проходить под самыми мордами беспомощных рептилий. Иногда она умудряется задеть хвостом нос ящера. И один из них таки не выдерживает, мотает головой, пытаясь оттолкнуть нахальную кошку. Несси изворачивается, встав на задние лапы, и исполняет барабанную дробь передними по чешуйчатой морде. Занавес.

Как бы ни спешили люди отправиться в путь, на минутку громового многоголосого хохота время находится. А Несси уже на верхней ступеньке кареты, и сам Инспектор открывает перед ней дверцу.

Нет, всё-таки это подозрительно. В мою голову во второй раз приходит бредовая мысль, что провокационное появление Несси с курицей в зубах кем-то спланировано.

Кора нежится на диванчике напротив, ей явно по душе смена обстановки. Несси перешла ко мне, некоторое время

понаблюдала за девушкой, захватившей её любимое место, а потом свернулась клубочком и уснула.

– Я испортила твои отношения с друзьями?

Кора хмыкает.

– Какие они мне друзья? Мы дети канахов – каждый сам за себя.

Я плотно сжимаю губы. Жёстко, однако. А мне-то помешалось, что она искренне мне симпатизирует. Но уж лучше так с самого начала, чем разочарование потом.

Кора чувствует мою перемену настроения, садится напротив и смотрит прямо в глаза. Вся её разнеженность исчезла, словно её и не было. Взгляд серьёзен.

– Ты не подумай, что мне наплевать на всех и всё. Но у меня есть цель. Они, – она указывает движением головы на заднюю стенку кареты, за которой подпрыгивают на кочках повозки с остальными одарёнными, – в большинстве своём будущие неудачники. А значит, через некоторое время девочки окажутся там же, откуда приехали, только обрюхаченные, а парни пополнят ряды императорских солдат.

Она замолкает, а я потрясённо спрашиваю:

– Почему ты так думаешь?

Но она не слушает, а продолжает:

– Мне возвращаться некуда.

– А мать?

– Умерла два года назад.

– Ой, прости.

– Ничего, я уже своё отплакала, – она поворачивается к окну, и я вижу, как краснеет кончик носа, а веки становятся влажными. Но до слёз не дошло. Кора быстро взяла себя в руки: шмыгнула-таки носом, но глаза остались сухими.

– Я не понимаю.

– Я не могу просто плыть по течению в надежде, что случится волшебство. Мне не на кого рассчитывать, придётся пробивать дорогу лбом. Я не буду лгать тебе. Я вынуждена искать точки опоры. В тебе я увидела один из шансов. И дело не только в том, что ты на особом положении и, скорее всего, дочь кого-то из высших. Дети высших частенько такие же рыхлые душой, как и все остальные, а может даже и чаще. Им всё даётся даром, и нет необходимости драться за место в жизни. Но ты не такая. В тебе есть сила и стержень. Если ты позволишь мне оставаться рядом с тобой, я не предаю и постараюсь быть полезна.

– Знаешь, мне это нравится.

– Что именно?

– Твоя открытость. Это гораздо лучше, чем, когда начинают вылизывать задницу, – грубовато сказала я, вспомнив угодливо изогнутую спину главы обителя.

И Кора в ответ просияла: протянула открытую ладонь. С заминкой, но я поняла, чего она хочет, и потянулась навстречу. Наши центры ладоней соприкоснулись, знакомя огоньки. Магия моей новой подруги была не очень мощная, но ровная и устойчивая. Я немного прикрутила своё пламя,

но она всё равно вздрогнула.

– Ого! А ты чья?

– В смысле?

– Кто твой отец?

Мне очень не хотелось отвечать, и Кора это поняла.

– Ладно, извини.

– Да не за что извиняться. Я так же, как ты не знаю.

– Понятно, но Инспектор точно знает, раз так заботится о твоих удобствах, – она ещё раз осмотрела помещение, предоставленное мне.

– А ещё он хотел, чтобы ты рассказала мне то, чего я не знаю.

– А ты не шутила? Ты правда не знаешь, кто такие дети канахов?

– Ну я слышала разные слухи о канахах. То есть слово мне знакомо. Но что из этого правда, я не знаю.

Кора сосредоточенно кивает, на её лбу появляется вертикальная морщинка.

– Что не так?

– погоди, я думаю, с чего начать. Давай так, скажи, как ты по всем этим слухам и легендам представляешь себе канахов.

– Дикари, – я спотыкаюсь, понимая, что образ в моей голове взят из детских сказок. Я просто никогда не задумывалась, может ли такое быть в реальности.

– Ну? – подбадривает меня Кора.

– Они нападают на населённые пункты, воруют женщин.
– Волосатые, бородатые и с дубинками?
– Угу, – подтверждаю я, уже понимая, что несу бред.
Но Кора не смеётся.

– Есть такие, но только ты канахов с шампами перепутала.

Чампы – дикари с востока, проклятые Асхаром. Их женщины рожают только мальчиков. И когда те вырастают, приходится добывать жён набегами. У них нет поселений, они кочевники.

– Честно говоря, я думала, что это одно и то же. Только канахи – это чампы, наделённые магией.

Кора закатывает глаза.

– Жуть какая. Ты словно пришла из другого мира. В общем слушай: всё просто. Канахи – стихийные маги, их ещё называют дикими. Заметь, дикими, а не дикарями. Их не очень много, и живут они в Предгорье и высоко в горах. У них, как и у нас, поселения. Их сила как-то связана с огненной горой Асхара, изрыгающей пламя раз в несколько лет. Пастухи, охотники, свободные воины.

Кора замолкает, подбирая слова:

– Империи нужны маги. Дети канахов почти всегда получают часть искры в наследство. Поэтому четыре раза в год устраиваются празднества, на которых состязаются лучшие из диких магов. Победители остаются при дворе императора, а остальные возвращаются к себе. Но не просто так. После окончания состязаний канахи ещё день живут в городе. Се-

мый, в которых много дочерей и нет приданного, выставляют девушек на центральной площади. Канахи выбирают на одну ночь приглянувшуюся. Девушка должна быть непременно девственницей.

– Но... это же отвратительно.

– Для некоторых это выход. Они избавляются от лишних ртов. Понёсшая от канаха забирается в обитель, её содержит Император. А её ребёнок, если в нём проявляется дар, получает шанс учиться в магической Академии.

– Но девушке уже никогда не выйти замуж.

– Никогда. Поэтому я не хочу такой судьбы.

– А как тебя подобное может коснуться?

– Всех может. Если в Академии ученик проявит слабые способности, то девчонок отдают туда же, а парней в войска. Девушка даже со слабыми магическими способностями лучше, чем обычная простолюдинка. И может родить ещё более способного ребёнка.

Я чувствую, что меня сейчас стошнит.

– У нас в обители так коров скрещивали.

Кора грустно улыбается:

– Вот я и есть такой телёнок, – она встряхивает головой, и выражение лица меняется. Глаза прищуриваются, и в них разгорается злость:

– Но я не хочу вырасти и стать коровой. Не хочу повторить судьбу матери.

Ей больно. И я хочу отвлечь её. А ещё сильнее хочу по-

нять, кто я сама.

– А кто тогда я? И почему я никогда не слышала о том, что ты рассказываешь?

Кора переводит взгляд на меня.

– Скорее всего, твой отец из высших магов. У высших, кроме жён, бывают наложницы. И для них существуют более закрытые обители. Вот скажи? Часто ли у вас рождаются дети с даром?

Я задумываюсь.

– Иной год двоих увозят, а порой ни одного.

– У высших редко рождаются дети с даром. Но если такое случается, то их ценят больше. Они сильнее.

– На детях магов природа отдыхает.

– Точно, вот видишь, кое-что тебе известно.

– Нет, случайно услышала эту фразу, когда меня проверяли.

– Интересно, что ты им продемонстрировала?

– Ничего. Я старалась скрыть. Не хотела уезжать. У меня, – мой голос дрогнул, – мама осталась одна.

Мы молчим. Все эти дни я старалась не думать о том, чего теперь не изменить. А сейчас чувствую дикую тоску, такую, что темнеет в глазах. Кора утешающе гладит меня по руке.

– Ты не думай. Если станешь хорошим магом, то заберёшь её к себе.

– Но почему никто за все годы не вернулся, никто не забрал.

– Возможно, они ничего не достигли и повторили судьбу других одарённых. Но ты ведь очень сильная. У тебя получится.

– Да, – я беру себя в руки и говорю жёстко, – у меня... у нас получится.

– Мы вместе, да? – светлеет лицом моя новая подруга.

– Прорвёмся, – я улыбаюсь, загоняя тоску куда-то вглубь. Она не исчезнет, но и ослаблять себя я не позволю.

– Смотри, Тея! – зовёт Кора, отдернувшая занавеску. – Легки на помине. Вон они канахи. Тоже в город едут.

– А как их отличить от людей? – ядвигаюсь к окну, чтобы взглянуть на тех, кого ещё недавно считала страшными волосатыми дикарями с дубинами наперевес.

– Никак, – хохочет Кора, – они же люди. Но канахи обязаны носить в столице знак на одежде.

Я выглядываю в окно и в группе всадников, обгоняющих нашу колонну, вижу его. Того самого наглеца. Прежде чем я отшатываюсь от окна, он поворачивается и замечает меня. На его губах появляется довольная улыбка.

Какой стыд. Он подумает, что я за ним наблюдаю. И это после всего. Будь у меня время подумать, я бы приняла равнодушный вид, скользнула бы по нему небрежным взглядом и ушла на что-нибудь другое. Но моё движение выдало меня с головой. Кровь стучит в ушах.

– Ух какой!

– Ты о ком?

– Вон тот тёмненький хорош.

Ну да, тёмненький там один.

– Кора, ты же вроде не хотела связываться с канахами.

– И не хочу, но посмотреть-то можно. Они все такие мощные, не видела ни одного толстяка или дохляка, – она облизывает губы, как Несси после плошки молока. – Кажется, он меня заметил, – Кора принимает изящную позу и делает именно такой равнодушный вид, о котором я сожалела пару минут назад. Боже, как нарочито и смешно это выглядит. Нет уж, я лучше отсижусь в глубине кареты.

– Кора, а где ты могла на них насмотреться?

– Так у нас рядом с обителью торговый тракт проходил. В соседнем городке ярмарки каждый выходной. Пока несовершеннолетняя, канахи не опасны. А вот потом лучше им не попадаться.

– Почему?

– В определённые дни они имеют право взять на ночь любую понравившуюся девушку или даже замужнюю женщину. И никто не может им воспрепятствовать. Таков закон.

Из всего разговора я поняла главное. Дикие не канахи, дикая я со своим полным отсутствием знаний. Вот почему этот тёмненький вёл себя со мной так нагло и уверенно. Ну уж нет, девкой на одну ночь я ни для кого не стану.

Глава 4. Новая обстановка. Лали.

Неловко признаться, но мне нравится моя новая комната. Куда делась моя скромность и уверенность, что человеку положено обходиться малым?

Мы с мамой жили в келье, где вся меблировка состояла из двух узких кроватей, простого деревянного стола, одного колченого стула и шкафчика для одежды, в котором только-только можно было разместить наши пожитки. Проход между кроватями был настолько мал, что одновременно подойти к своим спальным местам мы не могли. И к тому же в комнате всегда было полутемно, потому что одно единственное окошко находилось высоко. Выглянуть в него было можно, только встав на стул.

Нет, скромность не сбежала и даже тихонько попискивала, но настолько негромко, что её можно было игнорировать. В моём теперешнем жилье огромная кровать не занимала и четверти комнаты, а уж вольготно устроиться на ней могли бы даже шестеро. Целых два стола, один небольшой у окна, выходящего в сад. Рядом на стене книжные полки. Сразу понятно, для занятий. Второй в центре, внушительный каменный, надо будет попозже рассмотреть, из чего он. Похоже на змеевик.

Пожилая женщина, которая проводила меня сюда, при-

коснулась к небольшой выпуклости, и часть стены отъехала в сторону, открывая шкаф размером с половину моего предыдущего жилища. Я представила себе, как сиротливо будут в нём смотреться мои две туники и тёплый плащ, и невольно вздохнула.

– Госпожа Тея, сегодня вам доставят ваши вещи.

– Какие? У меня всё здесь.

– В Академии есть правила, как должны одеваться студенты на занятия, на тренировки. На первое время подберём вам из готового.

О! Как всё сложно. Мне неловко, но я делаю вид, что всё так и должно быть.

В комнату проскальзывает Несси и не спеша начинает свой кошачий обход. Женщина бросает на кошку неодобрительный взгляд, но её вопрос о другом:

– Вы умеете читать?

– Умею, – сухо отвечаю я. Почему-то этот вопрос меня задевает. Мой гардероб может и не отличается от гардероба селянки, но образование в обители было на высоком уровне. Надо сказать, именно моя мама им и занималась.

– Простите, госпожа, но по крайней мере каждый четвертый из приезжающих плохо владеет грамотой.

– Как так?

– Даже в обителях высокородных не всегда находятся достойные преподаватели. Туда ссылают... ой, простите, – она запинается, возможно, ей запрещено так говорить, и заме-

няет слово, – отправляют совсем молодых девушек, ещё не прошедших обучение. А преподаватели не любят работать в глуши.

– Моя мама получила достойное образование, она и вела занятия, – опять у меня сжимается сердце при воспоминании о маме, и, наверное, поэтому мой голос звучит резко. Но женщина виновато улыбается, и моё раздражение улетучивается.

– Значит, вам будет легче. Я пришлю портниху, чтобы снять мерки. А вы пока можете почитать правила и распорядок. Она указывает рукой на стол, и я только сейчас замечаю несколько аккуратно сложенных стопочкой листков бумаги. Странно, я уверена, что две минуты назад их там не было. Если это магия, а не моя невнимательность, то очень удобная.

Женщина выходит.

– Ну и как тебе здесь нравится, Несси?

Моя серая подружка одним прыжком взлетает на кровать и с хозяйским видом устраивается на подушках.

– Понятно. Я вот думаю, может, попав в такую роскошную обстановку, все уехавшие забывают о прошлой жизни и о родителях. Но мы ведь с тобой не забудем?

– М-р-р, – отвечает Несси, словно понимая мои слова.

– Ну тогда давай начнем с чего-нибудь, например, с расписания. Или нет, сначала умыться и переодеться.

Купальня показалась мне шикарной. Вместо привычной

бочки для омовений – мраморная ванная, полная до краев воды. Пощупала воду рукой – еле тёплая. Пришлось потратить немного энергии на нагрев. Я немного переоценила свои возможности. Голова закружилась. Сказывались усталость и то, что после последней еды прошло много времени. Ну и объём воды был для меня непривычно большой. Но уж очень хотелось вымыться по-настоящему после такой дороги. На узкой полочке я обнаружила несколько банок с густыми тягучими жидкостями разных цветов и запахов. Запахи валили с ног. Трудно было даже понять, приятные они или нет. Ну нет, я не рискну в первый же день появиться среди людей с таким шлейфом ароматов. Да от меня шарахаться будут. Хорошо, что у меня с собой самодельное мыло с нежным запахом лесных трав. Из купальни я выбираюсь обессиленная, но довольная собой. Чистая кожа скрипит под пальцами.

На кровати уже разложены туники разных цветов. Как и запахи – всё слишком ярко. Хорошо, что у меня осталась одна чистая из дома. Моя любимая нежно-сливочного цвета с рисунком в виде зелёных хвойных веток. Опять кусочек моего любимого леса. Ткань очень мягкая, и в ней я чувствую связь с оставленным домом. Чтобы не намочить одежду, обрачиваю полотенцем мокрые волосы и, наконец-то, добирюсь до расписания.

Ужин! Это первое, что бросается мне в глаза. Есть хочется невероятно. Только бы волосы успеть высушить. Тратить

энергию на это уже не хочется, поэтому накидываю на плечи ещё одно сухое полотенце и начинаю расчесывать свою рыжую гриву. Так будет быстрее.

Я уже почти готова, когда раздаётся стук. Не успеваю ответить, как дверь бесцеремонно открывается, и в комнату вваливается нечто огромное.

Портниха меня поразила. Сначала своим внешним видом. Нечто окутанное в ярко-фиолетовые одеяния бочком протискивается в узкие двери моей комнаты и, слегка раскачиваясь, направляется ко мне. Комната сразу показалась мне маленькой.

Торнадо я видела всего один раз в жизни. Удивительное ощущение: фиолетовая колонна, которая вроде стоит неподвижно на одном месте, а потом вдруг понимаешь, что она неотвратно несётся прямо на тебя. Медленно... и несётся... именно так.

Как и тогда, мне сразу же стало не хватать воздуха, но не потому, что его было мало, напротив, слишком много, так много, что казалось, вдохнёшь поглубже, и мощный поток взорвёт грудь.

Ну и не привыкла я к людям таких размеров. Единственный толстяк, которого мне довелось видеть, – это был глава нашей обители. Чуток поменьше, но тоже вполне объёмным казался темно-вишневый маг. Хотя, где там заканчивалась просторная мантия, а где начинался сам маг, так сразу и не

сказать. Ну им обоим положено по статусу.

Состоятельный человек с привилегированным положением просто обязан выглядеть солидно. И что как не большой живот указывает на то, что с едой у человека нет проблем. Ах да, еще в смутном тумане плохого самочувствия мелькали образы тракторщиков, что тоже вполне понятно.

Но все остальные люди, которые работали своими руками и в нашей обители, и встреченные по дороге, таких пышных форм не имели.

Как она собирается меня обмерять, если с трудом поворачивается? С тоской я подумала о том, что ужин, который по расписанию должен был быть через полчаса, откладывается и скорее всего до завтрака. Мой впалый животик обиженно заурчал. А потом пришло настоящее удивление:

– Ну-ка, девочка, встань-ка посередке, да не бойся ты, – голос у толстухи оказался неожиданно приятным, бархатным.

Я не боялась, но помедлила, не очень понимая, что она от меня хочет.

– Повертись немного. Так-так, фигурка хороша, но малость нестандартна, – толстуха оглядела меня со всех сторон: – Откармливать тебя надо. Где твоя задница? Где... – я повернулась лицом, и она перевела взгляд выше. – Ну ладно, тут вроде что-торосло. Да ты не смущайся, ишь, покраснела, мне теперь с тобой работать и работать, привыкай. Меня Лали зовут.

– Тея.

– Да уж, знаю. В этом наборе ты одна такая.

– Какая такая?

– Из этих, – портниха ткнула пальцем в потолок, и сразу же перешла к делу, не давая мне возможности задать новые вопросы.

– Только не пугайся и не вздумай свой огонь использовать. Это вообще в помещении академии запрещено.

– Э-э-э, чего не пугаться?

– Стой спокойно.

И я неожиданно успокоилась. Было что-то в толстухе дружелюбное. И когда с её раскрытых ладоней сорвались два плотных воздушных полотнища и потянулись ко мне, я даже не вздрогнула. Меня спеленали, как младенца, а я стояла, опираясь на полупрозрачный кокон, и улыбалась. А потом всё неожиданно исчезло, и я покачнулась, с трудом удерживая равновесие.

– Вот и всё, девочка, мерки я сняла, – проворковала портниха, – а ты думала, толстая Лали будет ползать вокруг тебя с верёвочками до завтрашнего утра?

Именно так я и думала, но вслух сказала другое:

– Вы маг? Я никогда такого не видела.

– Ну какой я маг. Так, слабенький воздушник.

Вот оно что! Маг Воздуха. Только теперь я заметила знак воздушной стихии на её объёмной груди. Стало понятно, почему при виде её у меня в памяти всплыл тот случай с тор-

надо. Ничего себе, слабенький. Да такая силища задует мой огонь как самую тоненькую соборную свечечку.

– Но... – прервав мои размышления, портниха гордо выпрямилась и уставила в потолок свой толстый в перетяжках указательный палец, – Что касается моих творений, да, я маг. Даже дворцовые дамы готовы постоять в очереди за божественными платьями Лали. И здесь, девочка, я работаю только с детьми высших, не со всеми, конечно.

– А вы не знаете...

Я уже была готова задать самый волнующий вопрос о том, чья я всё-таки дочь, но Лали была опытна и в этом. Наверняка, не я первая пыталась вытрясти из неё хоть какие-нибудь сведения.

– Нет, не знаю, – сказала она, и впервые её голос прозвучал жёстко.

Понятно. Настаивать бесполезно.

– Не кисни, – в голос Лали вернулись бархатистые нотки, и после паузы она тихонько добавила. – Да и не даст тебе это знание ничего, кроме разочарования.

Она понизила голос:

– Ты уж извини за прямоту. Вряд ли ты интересна тому, кто не вспоминал о тебе все эти годы. Хотя... позвали же меня.

Последнюю фразу Лали бормочет себе под нос так, что я с трудом умудряюсь расслышать. И тут же ещё раз цепким взглядом окидывает меня.

– Что же мне делать, – я совсем теряюсь.

Лали пожимает плечами, отчего её короткая шея совсем исчезает:

– Жди.

Больше я ничего от неё не добьюсь.

В дверях Лали оборачивается:

– Тебя тут ждут.

Глава 5. В новом окружении. Лера

На этот раз мне в проводники достаётся огонёк. Оранжевый шарик излучает тепло. Я пытаюсь к нему прикоснуться, но он уплывает.

– Ну что ж, идём, – говорю я самой себе.

Краем глаза вижу серую тень.

– Несси, – зачем-то прошу я её, словно кошка может меня понять, – я принесу тебе еду. Осталась бы ты.

Несси фыркает и, обгоняя нас с огоньком, исчезает в переплетении коридоров. Но прежде демонстрирует своё фирменное пренебрежение: передёргивает шкуркой между лопатками. Несносная кошка.

На свой первый ужин я почти не опоздала, хотя пришла явно одна из последних.

Слева от входа в два ряда стояли длинные столы, за ними на скамьях впритирку друг к другу сидели неброско одетые юноши и девушки. Справа – несколько небольших, более изящных столиков, рассчитанных на трех-четырёх человек. И здесь, судя по яркости красок, восседало высшее общество академии. В нашей обители отдельно питались только приближённые к главе. Поэтому в эту сторону я даже не смотрю.

Останавливаюсь в растерянности. Ощущение, что за длинными столами уже нет мест. Но слышу громкое:

– Тея, иди к нам.

Это Кора машет мне рукой, и на душе теплеет. Как же я рада её видеть. И не только её. Все, с кем я приехала, – мои единственные знакомые в этом новом мире. Наверное, я даже долговязому переростку рада. Я направляюсь к ним и слышу краем уха из-за ближайшего стола:

– Ещё одна деревенщина.

Не знаю почему, но мне необидно. Так, слегка царапнуло. Сама я не привыкла с первой встречи отзываться о людях пренебрежительно. Ну и всё равно. Мне не с ними учиться.

Как же я ошибалась.

Меня останавливает знакомый голос:

– Госпожа Тея, вам не туда.

На этот раз по взгляду Инспектора понимаю, что спорить бесполезно.

– Я пошёл вам навстречу в дороге, но здесь иные правила.

Прошу, – и меня препровождают за один из столиков, где два места уже заняты.

Я натываюсь на брезгливый взгляд ослепительной брюнетки в ярко-красном платье с глубоким вырезом. Это именно платье, а не туника, какие обычно надеты на простолюдинах. И да, я выгляжу на её фоне деревенщиной.

– Откуда ты такая? – её тон подразумевает, что я должна быстренько всё о себе рассказать и постараться достичь её расположения кротостью и покорностью. Но мне почему-то не хочется перед ней расшаркиваться. И в то же время нажи-

вать неприятелей в первый же день тоже не стоит. Поэтому мой ответ короткий и очень спокойный. Я смотрю ей прямо в глаза и спокойно отвечаю.

– Оттуда, – в моём голосе есть твёрдость, но нет вызова.

Тем не менее, ответ её не устроил. Она фыркает:

– Дерзкая какая!

Кто бы говорил. Это я произношу исключительно мысленно.

Вторая девушка в темно-зелёном платье с короткими каштановыми волосами неожиданно улыбается.

– Молодец, новенькие обычно тушуются перед Лерой.

Брюнетка хочет что-то сказать, но подруга перебивает:

– Оставь её. Я три года назад такая же приехала. Это ты у нас столичная штучка.

Лера хмыкает и отворачивается, демонстрируя, что я её больше не интересую. Ну и славно.

– Я Тери, а ты?

– Тея, – я занимаю место за столом, а если сказать точнее, оседаю на стул. Силы мои подошли к концу.

Хорошо, что сразу же приносят еду. Можно прервать разговоры. На Леру, манерно перебирающую на тарелке кусочки мяса с овощами, стараюсь не обращать внимания. Но её присутствие меня всё же сковывает. Кто его знает этот местный этикет. Я стараюсь есть медленно, хотя голод таков, что я готова поглощать еду, не пережёвывая. Мой внутренний огонь требует пищи.

К столу подходит франтовато одетый парень, он о чём-то спрашивает Тери, но осторожно косится на Леру. Заметно, что она привыкла к повышенному вниманию. И умеет не подпускать к себе недостойных. Красивые губы кривятся в пренебрежительной усмешке, короткий взгляд в сторону подошедшего и выразительное закатывание глаз. Выражение лица – «Как вы мне все надоели».

Парень сникает и, недослушав ответ Тери, ретируется.

И вдруг всё резко меняется.

– О, смотри, Рэйнер вернулся, – Лера оживает, её глаза неожиданно оказываются тёмно-синими, наверное потому, что до сих пор я просто не могла их разглядеть через презрительный прищур. Да и голос уже не такой противный. Она кокетливо поправляет волосы. Тери неодобрительно поднимает бровь.

– Доиграешься, – негромко говорит она.

– А, – легкомысленно отмахивается Лера, – меня всё равно не сошлют. Папа не позволит. И, кроме того, на таких, как я, женятся.

– Не такие, как он.

Но Лере плевать на предостережения, она машет рукой:

– Привет, мастер Ренни, у нас свободно.

Мне интересно, из-за кого такие мгновенные перемены, но оборачиваться неудобно, да и... не нужно уже.

– У нас новенькая?

Соседний стул скрипит, когда на него опускается нечто огромное. Терпкий запах разгорячённого мужского тела перекрывает аромат еды. Не то чтобы совсем неприятно, но его как-то чересчур много. Хорошо, что я уже наелась. Не поворачивая головы, чувствую, что он меня разглядывает, и вижу, как каменеет лицо Леры.

Спасает ситуацию Тери.

– Не смущайте девочку, уважаемый магистр. Она только приехала. Что она подумает о нашей академии?

– Что в ней очень привлекательные учителя, – задумчиво басит мужчина. – Да ладно, шучу. Я всё ещё в отпуске, завтра надену мантию и начну гонять новичков. И все они меня возненавидят, правда, Лерочка?

– Не помню, мастер Ренни, чтобы вы когда-то вели занятия в мантии, – кокетливо говорит Лера. Её голос подрагивает, она слегка наклоняется вперёд, щёки розовеют. Вырез платья многообещающе приоткрывается. Мне становится неловко, как будто это я беззастенчиво демонстрирую свои прелести. Может, конечно, здесь так принято. Тери вон тоже выпрямила спину, отчего выпуклости под её более закрытым платьем обозначились отчётливее. Ну уж нет, этим столичным штучкам я учиться не буду.

Одно хорошо, мужчина отвлекается от меня и переключается на то, что ему предлагают. Теперь и я могу взглянуть на человека, при виде кого манерная Лера готова выпрыгнуть

из платья.

Готова признать и с первого, и со второго взгляда, что подобную мужественную красоту я видела только на картинах. Точнее на изображении святого Асхара в нашем храме. Его фреска находилась в боковом нефе, и мои подруги по обители просто таяли перед ней. И проводили перед ней гораздо больше времени, чем перед изображением нашего сиятельного императора. Выющиеся тёмные волосы до плеч, прямой нос и выдающийся подбородок. Выдающийся не чрезмерно, а ровно настолько, чтобы показать, у этого мужчины есть характер, да такой, который сметёт все препятствия на своём пути.

Не знаю почему, но меня, наверное, единственную божественная красота не трогала. Я воспринимала её как нечто естественное. Любовалась, как природным явлением, но дыхание никогда не перехватывало. Наверное потому, что была уверена, в реальной жизни такого не бывает. Оказывается бывает. Тогда непонятно, почему сейчас при виде этого образца мужественности, тоже ничего не дрогнуло. Может, я немного ненормальная?

Лера и мастер Ренни тихонько переговариваются. Я не вслушиваюсь в слова, занявшись безумно вкусным фруктовым компотом, улавливаю только общие интонации. Уже вечер. Меня начинает клонить в сон. Сказываются усталость и обильный ужин. С этими двоими и так всё понятно: оба флиртуют, не стесняясь окружения. Дыхание Леры учащает-

ся, в голосе появляется хрипотца, а речь красавца Ренни напоминает звучанием мурлыканье кота, очень большого кота, сыто созерцающего миску сметаны.

По ассоциации я вспоминаю о Несси. Надо принести ей поесть. И именно в этот момент Несси напоминает о себе истошным визгом Леры.

Я не сразу понимаю, что происходит, когда томная брюнетка энергично взлетает с ногами на стул. В её взгляде, направленном за мою спину, появляется ужас. Тери тоже вздрагивает, но скорее от вопля соседки, чем... я поворачиваюсь... чем от вида моей дымчатой подруги, гордо шествующей по свободному проходу, который отделяет столы стихийников от элитного пространства детей высших магов. Из рта моей кошки с одной стороны свисает розовый хвост, с другой – торчит оскаленная морда задушенной крысы. Ну Несси, ну удружила в первый же день. Лера не единственная взобралась на стул, в нашей части зала почти половина женщин продолжает верещать. Всё ясно, городские. Зато за длинными столами и парни, и девушки давятся от смеха.

Кошку пора спасать. Две женщины направляются к нарушительнице, и на руке одной из них уже разгорается огонь. Я бросаюсь вперёд, понимая, что не успеваю. Но Несси уже на руках Кору, а Дэн держит причину паники за розовый хвост.

Крыса раскачивается в его руке. На мраморный пол падает капелька крови. А за моей спиной раздаётся страдальческий ох. Я поворачиваюсь, и вижу, как Лера, явно прицелив-

шись оседает в обморок прямоком в объятия магистра Рэйнера.

Вот только край её роскошного платья случайно задевает соусник. Тёмное пятно расплывается по подолу. М-да, боюсь это происшествие мне ещё аукнется. Она, конечно, ещё не поняла, чья это кошка, но дело ближайшего времени. Такое шило, как моя Несси в мешке не утаишь. А значит, Лера мне этого не простит.

Кора переехала ко мне на второй день под видом служанки.

Оказалось, мне положена горничная, и, чаще всего, на эту работу брали детей стихийников. Почему-то слово канахи стало для меня неприятным после откровений Кору. И я предпочла называть неизвестных отцов моих соучеников по основному признаку магии.

Горничным со стороны надо платить, а ученикам из простых семей положено отрабатывать проживание и учебу. Они прислуживают по очереди на кухне, дежурят в аудиториях, готовя их к занятиям до начала и разгребая результаты неудачных магических опытов после окончания. Таким образом Академия экономит. Детей высших магов мало, и устроиться к ним считается везением.

Я привыкла сама себя обслуживать и хотела отказаться, но Кора безапелляционно заявила:

– Так я и не стремлюсь в прислуги. Мы же договорились держаться вместе, – она хитро сощурилась.

– Согласна, – вылетело у меня.

В отделе отработок сухощавая девица быстро оформила Кору на должность. Никаких сложностей. И только Инспектор, попавшийся нам на выходе, картинно закатил глаза:

– Вас не переделать, госпожа Тея.

– Я что-то сделала непозволительное?

– Я сомневаюсь, что вы сможете держать положенную дистанцию с теми, кто должен вас обслуживать.

Прежде чем я открыла рот для оправданий, он продолжил:

– И не надо мне дерзить. Я помню, что вы это умеете, – и он удалился.

Я вроде и не собиралась. Кора отлепилась от стенки:

– Ух, я думала запретит. Ты ведь знаешь, что он теперь наш куратор?

– Какой ещё куратор?

– Так положено: первый курс нуждается в няньке.

– Интересно. Он каждый год новичков курирует?

– Не уверена, – Кора пожимает плечами. – Но нас точно.

Устроились мы по-королевски.

В таких покоях, как у меня, есть дополнительная комнатка без окон, но с относительными удобствами. Там кровать для горничной и за перегородкой крохотная уборная. Это

одна из причин, по которой работа горничной считается престижной. Детей канахов...ой, стихийников селят по 4-6 человек в одной комнате.

Условия проживания в комнате для прислуги я сразу же забракела. Невозможно дружить, если один человек живёт в роскоши, а другой ютится в каморке без света и воздуха.

На моей кровати можно спать хоть вдоль, хоть по диагонали. Можно даже пинаться во сне. Всё равно до человека, лежащего на другом краю, не достанешь. Кора возражать не стала.

А вот с одеждой так не получилось. На следующий день мне принесли наряды от Лали. Кора с такой жадностью разглядывала каждое платье, что я предложила ей выбрать одно из них, но она испуганно отказалась.

– Ты что не понимаешь разницу между нами? Да меня на моём собственном огне поджарят, если я надену что-нибудь из твоего гардероба. Такие ткани стоят целое состояние. Ну и портниха твоя не обрадуется, – и поколебавшись, попросила жалобным голосом. – А померить можно?

Моё платье Коре не подошло. Кора ниже ростом и шире в плечах. А вот бёдра, как ни странно уже, чем у меня. Но мы даже не смогли рассмотреть результат. Кора быстро стянула с себя платье и вздохнула с облегчением.

– Фух, мне как-то не по себе в нём. Странное ощущение, оно словно живое.

– Какие глупости!

– Нет, я слышала о таких вещах. Если их надет чужой, то они и придушить могут. Твоя портниха – магичка. Хорошо, что я быстро его сняла.

Я недоверчиво потянулась к платью, испугавшему Кору. Оно село на меня как влитое. Если в одежде, созданной Лали и была магия, то очень лёгкая и светлая. Ткань ластилась к телу, словно живая.

Чтобы утешить подругу, я без колебаний отдала ей все те готовые вещи, которые мне принесли в первый день.

С этой минуты мы всё делали вместе. По обучению нас тоже пока не разделяли. Начальный курс для всех одинаков.

– Ваша задача – выбрать магическое животное, усиливающее ваши природные способности, – бубнит пожилая леди, глядя сквозь нас. Чувствуется, что за годы работы учащиеся всем скопом ей ужасно надоели.

В аудитории около двух десятков человек.

Лали права, я одна отношусь к категории высших, и меня это не радует. К этому моменту мне уже принесли от неё несколько платьев. Они прекрасны, и вчера я с удовольствием целый вечер изучала себя в зеркале.

Вот только новая одежда сразу же показала разницу между мной и остальными сокурсниками. Как ни старалась я выбрать платье поскромнее, искусство Лали не оставило мне

такой возможности. Для занятий я надела тёмно-синее платье с закрытым воротом и всё равно чувствую себя полураздетой.

После мешковатых туник, к которым я привыкла за восемнадцать лет, платье, облегающее грудь и подчеркивающее талию, кажется мне неприличным. От взглядов парней мне становится жарко, а вот девушки смотрят на меня с откровенной завистью и неприязнью.

Только Кора и Дэн меня не сторонятся. Мы сидим втроём за учебным столом.

– Труднее всего запечатлеть ящера. Те, у кого это получится, перейдут на факультет боевой магии. Естественно, попытка будет предоставлена только мужчинам. Первый семестр основные занятия по стихийной магии у них будет проводить магистр Рэйнер. Это очень сильный маг. Он уже шесть лет побеждает на состязаниях канахов.

Кора хмыкнула.

– Ты чего?

– В нашей обители три малыша растут от него.

– Ты же говорила, никто не знает имён своих родителей.

– В основном, да, если только это не победитель в состязаниях. Кстати, будь начеку: ты в его вкусе. Все три мамочки – рыжие.

– Ну, мы с тобой на боевой не попадём.

– Девушки, вам неинтересно то, что я рассказываю? – не

меня интонации, нудит преподаватель, и я не сразу соображаю, что обращается она к нам. Кора съёживается.

А я поднимаюсь:

– Простите, пожалуйста, я плохо знаю, кто такие канахи, и не удержалась, спросила у соседки.

Я отлично помню, как поразила своим незнанием Инспектора, и надеюсь, что преподаватель тоже забудет о нарушении дисциплины, шокированная моим невежеством.

Она удивлённо смотрит на меня, потом изрекает:

– А, ну понятно, вам простительно. Надеюсь, ваша соседка после занятий просветит вас.

И это всё? Похоже ей и впрямь надоели все обучающиеся.

– Спасибо, – тихо выдыхает Кора, с преувеличенным вниманием уставившись на преподавателя.

Уже позже она объясняет, что штрафные баллы начисляют только детям стихийников. И это грозит им неприятностями.

– Не знала, больше не буду тебя отвлекать.

– Так это я не удержалась, ты здесь ни при чем.

– Значит, буду тебя удерживать.

Глава 6. В загоне с ящерами

А уже на следующий день вместо лекционного зала нас привели к загону с молодыми ящерами. Парней для испытания, а нас девушек, видимо, как зрителей.

Мы топтались у ограждения и в ожидании магистра разглядывали пятерых рептилий, спящих внутри него.

Всадники, которые появлялись у нас в обители, всегда приезжали на взрослых ящерах. А здесь я впервые увидела ящериц-подростков. Они были только чуточку мельче, но заметно отличались цветом чешуи. Она была не темно-зелёная, а оттенка молодой весенней листвы.

Магистр Рэйнер не вышел из коридора, а, казалось, возник на фоне чёрного проема, как фреска в рамке. Сейчас он ещё больше был похож на молодого бога. Тёмные волосы небрежно стянуты в хвост. Вспомнились слова Леры о том, что в мантии его на занятиях никто не видел. Магистр был в чёрных брюках и в такого же цвета безрукавке, расстёгнутой почти до пояса. Мышцы рук и торса впечатляли. Я впервые видела настолько до неприличия обнажённого мужчину. Несколько девушек не удержались от восторженного вздоха, вдохнули, забыв выдохнуть.

Магистр свысока оглядел нашу группу, это было несложно, даже переросток оказался ниже его на голову. Парни, ко-

торые ещё минуту назад хорохорились, разом сдулись при виде мощной фигуры преподавателя. Довольный произведенным впечатлением магистр рывкнул:

– Пятеро самых смелых, шаг вперед.

Хорошенькая провокация.

Все парни невольно подались вперед. Магистр хмыкнул, огромной лапищей отделил пятерых ближайших и открыл дверь загона.

Вот прямо так без подготовки и объяснений, слегка подтолкнул ошарашенных парней и захлопнул за ними калитку. Светло-зелёные недодракончики разом повернулись к посетителям. До этой минуты чешуйчатые казались мне мелкими и очень милыми. Но, когда один из них резво прыгнул к гостям, приоткрыв дымящуюся пасть, мне сразу вспомнилась история с курицей.

Ящердохнул пламенем, двое из парней выставили щиты. Совместных тренировок ещё не было. Я впервые видела, как работают мои сокурсники. Слабенькая защита, надо сказать. Остальные зверёныши тоже заинтересовались. Я затаила дыхание.

Рептилии, похоже, решили, что с ними играют. К собрату присоединились ещё две горелки.

Я бросила встревоженный взгляд на магистра Рэйнера. Он стоял, облокотившись на загородку, и явно не соби-

рался вмешиваться. Наблюдал, как истончаются щиты. Ещё немного, и их проломают.

Пришли в себя и подключились остальные трое парней. Кому-то, кажется, это был Дэн, пришло в голову создать общий щит, в который все вливали свои силы. Пока пламя изрыгала тройка ящеров, парни справлялись. Хрупкая надежда, что оставшиеся две рептилии останутся в стороне, рухнула. Чуда не случилось. Ещё две струи огня и защита затрещала.

Рядом со мной охнул кто-то из девушек. Счёт шёл на секунды. Край щита проломился. И долговязый парень закричал от боли. Его руки коснулось открытое пламя.

Не очень удобно в длинной юбке перелезть через загородку. Я запуталась в ткани и едва не рухнула на песчаный пол загона. Чудом удержалась на ногах. И через мгновение встала на место пострадавшего.

– Тея, – это вскрикнула Кора, но я не обернулась. Мой огонь влился в щит, залатав дыру и усиливая общий фон. Некоторое время ничего не менялось. Мы играли в игру, кто кого передавит. Надо было как-то заканчивать.

Лучшая защита – нападение? Где-то я это слышала.

– Дэн, мне нужно всё до предела.

Сказала не веря, что меня послушаются, но Дэн поддержал.

– Парни, дайте всё!

Щит разросся, превращаясь в ревущую огненную стену.

И я, втянув в неё ещё и языки пламени нападавших, ударила по рептилиям.

Ящеры отлетели в центр загона. Зачинщик дальше всех, а сверху на него плюхнулись остальные. Снизу из-под кучи малы неожиданно раздался почти детский скулёж.

– Э, Рыжая, потише, – я не уловила момент, когда в загоне появился магистр Рэйнер, – задача – запечатлеть ящера, а не запечь.

Возмутительно.

– То есть это я пыталась их запечь?

– Не хаами.

Он прав, в моём голосе сейчас звучит всё что угодно, кроме почтительности.

– Вы подвергли опасности учеников.

– Что-то не замечаю, чтобы кто-то пострадал, кроме бедных маленьких ящерок.

Он что издевается? Я открываю рот и захлопываю его. Что я могу сказать? Что у долговязого обожжена рука. Но самое он почему молчит? Или сказать, что только благодаря мне не пострадали все? Похоже на хвастовство.

– Вот именно, – отвечает магистр на невысказанную мысль, – иди сюда, Рыжая.

– Я не Рыжая.

– Детка, я хорошо различаю цвета. Ты точно не брюнетка. Подойди.

Сдерживаю порыв объяснить, что я и не детка. Иначе перепалка будет продолжаться до бесконечности. А вряд ли принято возражать учителям.

Клубок ящеров уже распутался. Четверо отбежали, на месте остался только обиженный задира. Странно, вроде они все на одно лицо, а я точно знаю, что это именно задира, и каждой клеточкой чувствую его, нет её, боль. Малышке плохо, она хотела поиграть, а теперь болит ушибленная лапа.

Чешу ей надбровные дуги и чувствую, как удовольствие вытесняет обиду. Ты теперь меня не бросишь? Это я думаю или моя Рокси? Теперь я знаю, как её зовут.

– Ну ты даёшь, Рыжая, – в голосе магистра слышатся одобрение и толика восхищения.

Я прихожу в себя. Все те, кто держал со мной щит до последнего, распределились по загону. Каждый со своим ящером. На лицах парней отстраненность и восторг. Они так же, как и я, общаются со своими подопечными. Только долговязый, баюкающий обожжённую руку, выбрался наружу. Рядом с ним – маг-целитель. Судя по тому, что в его глазах только злость, заклинание, снимающее боль уже применили.

А вот то, что смотреть на меня положено с благодарностью, – никто не объяснил.

– Все непричастные свободны. Парни, те, кто не принимал участия в испытании, вернётесь сюда через два часа, девушки – идёте по расписанию.

Вроде всё ясно, но никто не спешит уходить. Не каждый

день можно посмотреть, как укрощают ящеров.

Совершенно неожиданно, не обращая более внимания на зрителей, магистр бесцеремонно притягивает меня к себе и целует в макушку. Мне опять становится душно. Он нависает надо мной, его слишком много.

– Нет, – вырывается у меня.

– Ну-ну, детка, успокойся.

Он протягивает руку и покровительственно треплет меня по щеке. Это не очень похоже на преподавательское поощрение ученика. Я невольно отшатываюсь. В глазах магистра загорается огонёк, и в этот миг рядом раздаётся злобное шипение. У нас с Рокси теперь ярость одна на двоих.

Лёгкая досада в глазах магистра, и он делает шаг назад.

– Строптивая крошка, тем интереснее, – на его губах хищная улыбка.

Рокси выпускает из пасти облачко дыма. Магистр отступает ещё на шаг.

– Мастер Ренни! – раздаётся знакомый голос.

А вот это приятная неожиданность, можно сказать, спасение. Ибо магистр отвлекается от меня. За загородкой стоит Лера в амазонке. Как и положено для великосветской наездницы, на ней широкая длинная юбка. Но сверху всё смотрится вызывающе до неприличия. Короткая курточка расстёгнута не из-за жары, а по необходимости. Грудь девушки яв-

но не помещается внутри. Интересно, она специально надела такую тесную одежду? Ощущение, что подход к гардеробу у них с магистром Рэйнером один на двоих. Парни уставились на неё, забыв обо всём. Но сама Лера смотрит на меня, едва сдерживая бешенство. Нет, всё-таки так себе неожиданность, не очень приятная. Теперь она точно попытается мне отомстить. Вот только в чём я перед ней провинилась?

– Мастер Ренни, – капризно повторяет она, переводя взгляд с недостойной меня на магистра, вы обещали показать меня на Хрусте.

– У меня занятие, – рычит магистр.

– Я вижу, – в тон отвечает Лера.

Они меряются взглядами. Уж не знаю, чем она берёт его, но он неохотно уступает.

– А впрочем, уже всё. Иду.

Он обращается сразу ко всем запечатлевшим ящеров:

– Ждите здесь. Я пришлю служителя, он покажет, где живут ваши ящерицы, и объяснит, как за ними ухаживать.

Он всё ещё стоит рядом со мной и, прежде чем отойти, тихо и так чтобы слышала только я, многообещающе бросает:

– Ещё поговорим, Рыжая.

– Спасибо, Рокси, – шепчу я, поглаживая ластящуюся ко мне чешуйчатую красавицу.

Я почти счастлива, единственная заноза – это внимание ко мне магистра. И меня подобное не радует. Я вообще не

понимаю, что происходит: стоило уехать из родной обители, и вот вам, каждый считает, что он вправе хватать меня. Этот любвеобильный магистр, у которого, наверное, в каждой обители растут дети. А ещё раньше – тот нахал в трактире.

Лучше бы я о нём не вспоминала. При одной мысли о том неожиданном поцелуе по спине снова пробегает стадо мурашек. «Мы ещё увидимся, Огонёк». Глупости какие. Где мы можем увидеться? Ни малейшего шанса в огромной столице. Да и незачем.

Рокси толкает мою руку и тоскливо скулит. И я снова не могу понять, это её тоска или моя. Почему я не могу забыть синеглазого наглеца? Кедр и можжевельник, а ещё волшебный терпкий и пряный аромат кожи.

Рокси тихонько взвыла. Прости милая, я не о том думаю. Нам теперь с тобой вместе справляться с нашим общим настроением. Пора забыть незнакомца, которого я никогда не увижу.

– Что это было? – встречает меня Кора, когда, выслушав все инструкции служителя и попрощавшись с Рокси, я покидаю загон. Остальные студенты уже ушли, и мы с ней остались вдвоём.

– Ты о чём?

– О твоих отношениях с магистром.

– Нет никаких отношений.

– Он канах.

– Я помню.

– И вряд ли тебя вернут в обитель для детей высших магов.

– Кора, успокойся, я всё понимаю и не подпущу его к себе. Сегодня он застал меня врасплох. Да и не было ничего.

– Ну да, ничего. Теперь слухи разлетятся по Академии. Хотя почему разлетятся? Уже разлетелись. Девчонки просто глазами вас жрали.

– Меня больше беспокоит Лера.

– И это тоже. Я тут маленько послушала местные сплетни. Лера метит в императрицы, не меньше.

– Это как? Выйдя за канаха?

– Я сама в шоке. Я столько интересного узнала за эти несколько часов.

Интересно, когда она всё успевает.

– Ты знаешь, что раз в двести лет император передает свою власть и свою магию? Не спросишь кому?

– Кому? – послушно повторила я за ней.

– Победителю третьего этапа состязаний.

– Вот просто так передаёт?

– Не просто, а во время ритуала. Бог-император переливает в избранного канаха свою магию и власть. Потом он умирает. А у нас – новый император.

– Первый раз об этом слышу.

– Последняя передача была как раз двести лет назад. Все сейчас только об этом и говорят. А магистр Рэйнер, шесть

лет подряд победитель. Главный кандидат. Поэтому Лерочка в него и вцепилась...

– А почему я об этом не слышала?

– Потому что ты высшая. С такими, как ты, слуги не сплетничают.

– Так это всего лишь сплетни и слухи?

– Ты не веришь?

– Трудно поверить. Зачем Императору отдавать кому-то свою силу?

– Затем, что тело не вечно. Император – сильнейший маг и стареет медленнее, чем простые смертные. Но когда приходит его время, он не уносит магию с собой, а передаёт избранному. Говорят, – Кора понизила голос до шёпота, – император уже год как не может ходить. Его время сочтено. Только не говори никому. За такие слова и казнить могут.

– Кому я скажу, кроме тебя? Идём домой. Ужин скоро, помыться надо. От меня палёным пахнет после этих ящеров.

Глава 7. На канате.

Знакомый незнакомец

Больше всего неприязни люди испытывают к тем, кто им бескорыстно помог. А уж если мужчина оказался слабее женщины, как такое перенести...

Когда я лезла через загородку, путаясь в своей юбке, меньше всего думала о потеплении отношений с сокурсниками. Но и того холода, которым меня окатили на следующий день, я не ожидала.

Прямо-таки возникло желание огоньком вдарить по ледяной корке взглядов, просто так, чтобы согреться.

Из четверки, запечатлевшей ящеров, кроме меня, только Дэн смотрел на меня по-прежнему дружелюбно. Остальные трое принимали поздравления с видом героев, отразивших атаку демонов. Не удивлюсь если ещё через пару дней история будет звучать так: наглая выскочка оттолкнула одного из пяти и отняла у него ящера вместе с возможностью попасть на боевое отделение. Да, а ещё и чуть не разрушила щит, подвергнув опасности всех остальных.

Мне не было наплевать на мнение окружающих. Есть разница между тем, когда ты одна, и когда ты одна среди людей. Как я ни хорохорилась, как ни пыталась принять равнодушный вид, а на душе было тяжело.

Три года назад в городке, соседствующем с обителью, дал представление бродячий цирк. За три часа я увидела больше чудес, чем за всю предыдущую жизнь. Фокусники, жонглёры, акробаты, метатель ножей. И канатоходец.

Между ратушей и домом богатого купца натянули трос. На высоте трёх этажей человек шёл по ниточке. Я не дышала, пока он делал первые шаги, а потом поверила в это маленькое чудо и почти успокоилась.

И тут налетел порывистый ветер.

В нашей местности погода меняется постепенно, без сурпризов. Но на этот раз словно кому-то наверху не понравилось, что простой смертный смеет идти по воздуху, а не по земле. Канатоходец закачался. Все ахнули. Несколько мгновений борьбы, а потом он поймал ветер, почувствовал и, опираясь на него, пошёл ещё увереннее, чем прежде, раскачиваясь, отклоняясь то в одну сторону, то в другую.

Он справился, он дошёл.

Вчера я была в восторженном состоянии после запечатления. Кора пыталась мне что-то объяснить, привести в чувство. Говорила, что женщина не может учиться на боевом отделении, что никогда ещё девушки не ездили на ящерах верхом, что у меня будут сложности. Я понимала слова, но не суть. А сегодня, проснувшись, пришла в себя и поняла, что я натворила. Я только-только начала привыкать к Академии, лавировать между шпильками Леры, настороженностью своих сокурсников, почтительным отношением одних препода-

вателей и пренебрежительным других. А теперь я на канате под порывами ветра. Кто просил меня лезть на помощь? Как теперь выкручиваться?

Ящера уже не передать другому человеку. Да и сама мысль об этом вызывала у меня болезненное ощущение. Вроде магистр хоть и удивился, но принял как данность мою связь с Рокси. И в то же время сам по себе магистр не вызывал у меня доверия. Я зависла над пропастью, ещё не понимая, откуда дунет в следующий момент.

Первый порыв прилетел от Леры:

– Мастер Грет, вы не могли бы отсадить её с нашего столика туда, где ей место?

Я только что вошла в столовую, Лера ещё не видит меня. Инспектор, он же куратор, стоит ко мне спиной, скрывая от возмущенной красавицы.

– И где же ей место? – голос куратора способен заморозить любого, кроме разгневанной брюнетки.

– Среди тех, от кого несёт навозом, – Лера машет рукой в сторону длинных столов, – по утрам она чистит свою ящерицу, а потом является сюда и портит нам аппетит.

В этот момент я вынырываю из-за спины куратора. И Лера, наконец-то, замечает меня. Она фыркает и вздёргивает нос, демонстрируя полное отсутствие смущения.

– В самом деле, господин куратор, я тоже хотела вас об этом попросить, – мило улыбаюсь я. – Запах навоза не столь сногшибателен, как нежные дамские духи. Боюсь перепу-

тать компот с одеколоном.

– Вот видите, эта деревенщина хамит мне.

– Поэтому она и будет сидеть здесь, пока не научится манерам и деликатности у вас, леди.

Что это сейчас было? Над кем издевается наш куратор?

Лицо Леры покрывается красными пятнами, она шипит:

– Я этого так не оставлю, – и совершенно изящно плюется на стул.

А я спокойно усаживаюсь напротив неё. М-м-м, да сегодня творожники пышные, с поджаристой корочкой.

После Лериного выпада я решаю не заморачиваться с этикетом. Мы деревенщины привыкли кушать по-простому. Оглядываю стол и вижу божественное варенье из альвы. То, что надо. Щедро накладываю его на творожник, подцепляю вилкой огромный кусок и впиваюсь зубами. Обалденно. Это лучшее, что я ела в жизни. Приоткрыв глаза вижу, как Лера с возмущённо выпрямленной спиной аккуратно нарезает творожник ножичком, накалывает на вилку крохотный кусочек и манерно, оттопырив мизинчик, подносит ко рту. Само великосветское изящество. Так и голодной можно остаться.

– Видела магистра Рэйнера? – это появилась с опозданием Тери.

– Он придёт? – оживляется Лера.

– Уже. К нему приехал, – Тери стреляет глазами в сторону входа.

– Кто? О! Какой мужчина.

Мне очень хочется повернуться. Но неудобно. Опять Лера подумает, что я пялюсь на её красавчика. Да и с самим магистром взглядом лучше не встречаться. Он настолько самоуверен, что даже не усомнится в моём к нему равнодушии.

В этот момент мне попадается творожник с бледной корочкой. Я недолго колеблюсь, вилкой ставлю недостаточно прожаренную лепешку на ребро, зажигаю огонёк на указательном пальце и направляю тонкий язычок пламени так, чтобы он обтекал творожник со всех сторон. Короткое «пых», Лера вздрагивает от неожиданности, но я получаю то, что хотела. Любуюсь цветом своего творения и вдыхаю аромат, не замечая, что мы уже не одни.

– Эффектно, – звучит над моей головой голос Рэйнера, – но глупо. Ты бы поберегла энергию, Рыжая, она тебе пригодится на тренировке.

Он наклоняется так близко, что я чувствую его дыхание на макушке:

– Не думай, что я стану нянчиться с тобой из-за того, что ты женщина. Боевое отделение – это не танцульки.

На губах Леры появляется язвительная улыбка. Меня поставили на место, хоть и не при всех.

Но мне уже не до неё и не до того, чтобы держать лицо. Моё сознание раздваивается, или нос нагло врёт. Сквозь запахи еды, Лерины благовония и тяжелый дух магистра мне мерещится кедр и можжевельник, и ещё тот самый пряный терпкий аромат, которого здесь просто не может быть.

Магистр Рэйнер выпрямляется, голос его теперь звучит высоко надо мной:

– Познакомьтесь, девушки, прибыло долгожданное подкрепление. Магистр Румер поможет мне тренировать новобранцев... и новобранку. Представляешь, Рум, впервые за все годы у нас дама на боевом.

И я уже не удивляюсь, когда в многоголосый шум столовой вплетается знакомый хриловатый голос.

– В Предгорье-женщина воин не редкость, сам знаешь.

Мои мурашки на этот звук начинают уже привычный га-лоп по спине.

– Но не в столице, здесь это в диковинку.

– А у вас в Предгорье тоже принято обсуждать человека, словно его тут нет? – не выдерживаю я, резко поворачиваясь и решительно глядя в синие глаза.

– Дерзкая, – с удовлетворением заключает магистр Рэйнер.

– Ну, вообще-то, девушка права. Мог бы и представить, – не поддерживает его тон мой знакомый незнакомец.

– Мой главный соперник на грядущих состязаниях, а также земляк и друг Рум. А поскольку ближайшие полгода он будет помогать мне дрессировать адептов боевого отделения, то для вас магистр Румер. Рум, познакомься, это госпожа Лера Лейн, дочь Первого из Девяти.

Надо же, я и не знала, что она дочь одного из Верховных

магов. Если это так, почему я не чувствую в ней мощи Огня. Или *на детях магов природа отдыхает*? Но статус есть статус. Теперь понятно, почему Рэйнер так вокруг неё скачет, и слова Леры о том, что на таких, как она, женятся, тоже понятны. Не сомневаюсь, что новый магистр тоже оценит высокомерную брюнетку.

Он медленно переводит взгляд на Леру. О, что творится с нашей красавицей. Куда делась ядовитая ухмылка. Лера – сама нежность. А уж чего стоит глубокий вдох, поднимающий и без того высокую грудь. Эту выдающуюся часть просто невозможно не заметить.

Зато мне почему-то трудно дышать. Ещё мгновение, и я себя выдам. Чувствую, как кровь приливает к щекам, стучит в ушах. Я плохо слышу, о чём они говорят. Мне надо как можно скорее взять себя в руки. Мне нет до него никакого дела. Всему виной его наглое поведение в трактире. Он оскорбил меня, и поэтому я сейчас нервничаю.

Когда магистр Рэйнер знакомит своего друга с Тери, я уже спокойна и даже могу удивиться. Оказывается, Тери – дочь жреца храма Огня. И хотя этот храм далеко от столицы, но статус Тери ненамного ниже Лериного. Остаётся только понять, что делаю я в компании столь высокопоставленных особ. Рэйнер тоже не понимает. И представляет меня как:

– Э-э-э, а это наша знаменитость. Госпожа Тея. Не далее, как позавчера она запечатлела ящера.

– Она у нас немного *необычная*. Из дальней провинции, –

не выдерживает Лера.

– Ну не думаю, что её провинция дальше моего Предгорья, – магистр Румер смотрит на меня смеющимися глазами. Он что решил, что меня надо защищать от Леры? Сама справлюсь. Но приятно. Меня ещё никто никогда не защищал.

И вообще он ведёт себя так, словно мы встретились впервые. Наверное, понял, что его поведение в трактире вышло за рамки. Или встретил по дороге другую жертву. Он же... канах. При этой мысли сердце в моей груди болезненно сжалось.

Выручил Рэйнер.

– Так, а что мы всё ещё здесь сидим? Рыжа... госпожа Тея, у вас через полчаса тренировка. Вы собираетесь в этом платье скакать на ящере?

– Ой, – забыв обо всём, я резко вскакиваю. Вилка летит на пол, тарелка звякает. Лера закатывает глаза. Да уж, я *необычная*. Столичные леди двигаются плавно и медленно. Куда нам, провинциалкам? К хангу церемонии, у меня проблема с одеждой для тренировок.

– А можно будет посмотреть на это зрелище? – слышу за спиной томный голосок Леры.

– У тебя что, нет занятий?

– Есть, но ради того, чтобы посмотреть, как эта выскочка вываливается в грязи, я пропущу что угодно.

– Лера-а...

Мне показалось, или Тери её одёрнула? С чего бы это?

Но задумываться некогда. Вот сейчас у меня реальная проблема. Как я не подумала? В чём я буду, как выразился магистр, скакать на ящере? Амазонки а-ля Лера у меня нет. Да и сидят в амазонках боком на седле, красиво покачивая задом. Скачками это не назвать.

– Кора, – кричу, влетая в нашу комнату, я видела, что в столовой её уже нет, а значит, она должна быть здесь, – Выручай! Мне надо добыть где-то штаны?

– Что-о-о? – её глаза округляются.

– Шта-ны, – пытаюсь говорить медленно и отчётливо, а заодно выровнять дыхание, так как последнюю часть пути я бежала.

А на середине пути, поворачивая за угол, влетела в огромную... ханг побери, это же была Лали. Кажется, я успела крикнуть «Извините», даже не сообразив, что это она. Надеюсь, я не сильно в неё врезалась.

– Ты в своём уме?

– Нет, – отвечаю резко, – Мне нужно в чём-то ездить на ящере верхом, как парни.

– Но ты же не наденешь мужскую одежду?

– Кора, я сейчас готова надеть всё, что угодно, только это что угодно надо ещё найти. Если я свалюсь с Рокси в платье ногами вверх, вряд ли это будет более прилично. Ты можешь попросить у Дэна запасные штаны? Вы ведь с ним общаетесь?

– Но... он же в два раза больше тебя, ты в них утонешь. И как ты пойдёшь в мужской одежде по коридору?

– Не знаю, – я в отчаянии опустила на стул. – Может широкую тунику сшить посередине внизу, чтобы как две юбки было. Но не успеть. Где была моя голова вчера?

– Есть идея, – Кора бросилась к дверям, которые именно в этот момент открылись. Не успев затормозить, моя подруга слёту врезалась в большую и мягкую, это я недавно проверила, Лали.

Портниха охнула, но её величественное влияние в комнату даже не замедлилось, зато Кора отлетела назад и, споткнувшись о непонятно откуда взявшуюся Несси, плюхнулась на ковёр.

– Что-то многовато для одного раннего утра. Вас что, кто-то кипятком ошпарил? Носитесь, нападаете на беззащитных людей.

Беззащитная Лали, уперев руки в бока, нависла над Корой.

А у меня в голове уже вспыхнула новая мысль, я как утопающий за соломинку схватилась за неё, за мысль, разумеется. Портниху сравнивать с соломинкой мне бы не пришлось в голову.

– Госпожа, Лали...

– Лали, девочка, просто Лали. Что у тебя стряслось? Тебе не понравились наряды, которые я тебе сшила?

– Что вы, они прекрасны, – только сейчас я соображаю,

что так и не поблагодарила Лали за те несколько платьев, которые висят у меня в шкафу, а ставшее самым любимым, зелёное, на мне.

– То-то же, – ворчит Лали, – ну а сейчас что за переполох?

– Штаны для верховой езды, – с отчаянием в голосе говорю я, не ожидая, что меня сразу поймут.

– А, наслышана о твоих подвигах, как же. А что так поздно сообразила? Ну-ну, только не зареви мне сейчас.

Лали, кряхтя, поворачивается к двери и командует:

– Поня!

Из-за её широкой юбки появляется девчонка-подросток.

– Вот госпожа, – она подтаскивает к кровати сумку, раскрывает её и бережно раскладывает три комплекта неприличного вида одежды.

На первый взгляд, это платья, но внизу каждое из них раздваивается на два колокола. Это именно то, о чём я только что говорила: широкая туника, разрезанная между ногами пополам, и каждая часть сшита вокруг ноги. То есть у каждой ноги теперь своя юбка.

– Ну, – Лали стоит подбоченясь, – только попробуй сказать, что я тебя не спасла.

– Как вы догадались? – от растерянности мой голос звучит хрипло.

– Ну не сама, конечно. Меня попросили.

– Кто?

– Ты одеваться будешь? – уходит от ответа Лали.

И я спохватываюсь.

– Надевай чёрное, – командует она, – поверь девочка, первое знакомство с ящерами заканчивается полётами и не вверх, а у всех почему-то одинаково вниз. В синем и зелёном будешь красоваться, когда научишься ездить.

– А как его надевают? – в растерянности разглядываю наряд, который никак не натянуть привычным манером через голову.

– Поня, помоги госпоже, и ты тоже, – последние слова адресованы Коре.

Сама бы я точно не справилась. В странное одеяние можно попасть, натягивая его снизу, через ноги. А уже потом Кора совместно с Поней зашнуровали верхнюю часть.

– Лали, – выдохнула я, глядя на себя в зеркало, – но это же неприлично.

– Что именно? – невозмутимо интересуется портниха.

– А, по-моему, божественно, – осторожно влезает в разговор Кора и заслуживает одобрительный взгляд Лали.

Я снова изучающе оглядываю своё отражение. С нижней частью всё нормально. Когда ноги стоят вместе, кажется, что я в обычном платье. Но вот верх... я пытаюсь ссутулиться, но лучше от этого не становится. Грудь настолько туго обтянута, что эластичная ткань не скрывает формы, и это при том, что наряд чёрный и непрозрачный.

– Аааа, – насмешливо тянет Лали, – всё с тобой понятно, дикая девочка. Ты привыкла к балахонам. А на бал в импе-

раторский дворец в мешке из-под картошки пойдёшь.

Я невольно фыркнула:

– Скажете тоже, где я, а где императорский дворец.

– Ну я бы не зарекалась, с твоей фигуркой я б на меньшее и не рассчитывала.

Торнадо по имени Лали неожиданно оказывается совсем рядом. От чувствительного хлопка между лопаток я непроизвольно вскрикиваю.

– Девочка, запомни, вот эту точку, – Лали тычет мне пальцем ровно в центр груди. – Представь, что к этому месту приклеена ниточка и она натянута вон туда, ровно посерединке между вперёд и вверх. Чуть-чуть. Именно этой точкой тянешься и именно туда. Не так сильно, легонько. Как учили меня, грудь должна смотреть вперёд «не вызывающе, но нежно». Спинку не прогибаешь, а тянешь голову вверх, словно у тебя на голове кувшин с водой.

Я фыркаю от смеха.

– Что такое? – сердито хмурится Лали.

– Простите, но сегодня мне впервые придётся залезть на ящера. Мне бы просто на нём удержаться. Какая спинка? Какая точка?

Лали хохочет.

– Ну да, как-то не подумала. Но ты запомни на будущее, пригодится. И не стесняйся показывать лучшее, что у тебя есть. Ты уже неделю здесь и не присмотрелась, в чём ходят столичные девушки? Вон, даже горничная твоя рассталась с

деревенскими тряпками.

Кора сегодня красовалась в малиновом платье. Она сама перешила его из туники, которую я ей подарила. У туники появилась талия, а у Кору грудь, и даже бёдра уже не казались такими узкими.

Зато я из всего, принесенного от Лали, до сего дня рискнула выйти к людям только в зелёном и тёмно-синем. Оба были сшиты для занятий, поэтому декольте в них не предусматривалось.

– Простите, Лали, но я в Академии не с той целью.

– А с какой?

А вот это вопрос в лоб. Цель моего попадания в Академию мне до сих пор неизвестна. Но это не значит, что я не попытаюсь добиться того, чего надо мне.

– Стать магом и вернуться домой, – твёрдо говорю я.

– Глупая наивная девочка, – в голосе Лали появляется горчинка, она машет рукой, подводя черту под своими словами, и командует:

– Поня!

Девчонка бросается к моим ногам так резко, что я вздрагиваю. Но проворные ручки уже затягивают вокруг ног какие-то веревки. Оказывается, в подол каждой юбки вшита лента. И сейчас эти ленты плотно обхватили мои щиколотки. Новый наряд уже меньше похож на платье, но и мужскими штанами его не назвать.

– Лали! – я просто задыхаюсь от благодарности.

– Беги давай, девочка, потом скажешь спасибо.

Судорожно вздохнув, беру себя в руки. Надо привыкать. Да и вряд ли кто-то обратит на меня внимание, когда вокруг столько разноцветных девушек из высшего сословия. Чего стоят только наряды Леры. На её фоне никто и не заметит моих выступающих под чёрной тканью неприличностей. Сначала так и было.

Глава 8. Села в лужу

Наше отделение, никак не привыкну, что его называют боевым, состояло из четырнадцати парней и одной меня. В сущности, почти все, кто приехал в этом году запечатлели ящеров. Отчислили только пятерых, и они сразу же куда-то исчезли.

Ещё троих, включая долговязого, перевели на другое отделение. У них обнаружались недюжинные способности к поисковой работе. Их огненные шары умели идти по следу. Чисто случайно мне удалось увидеть, как это работает.

Два дня назад, когда я в очередной раз обеспокоилась долгим отсутствием Несси, я забрела на стадион под открытым небом, на самом краю казавшейся бесконечной территории Академии.

Двери были открыты, и любопытство заманило меня внутрь, так взглянуть одним глазком. Стадион оказался огромной овальной чашей с множеством рядов скамеек. Часть его находилась ниже уровня земли, поэтому снаружи он не казался слишком большим. Я вошла где-то посередине. Внизу мой долговязый сокурсник запускал странные зеленоватые верёвки, я даже не сразу поняла, что они огненные. Потом уже вспомнила, что тот единственный огонёк, которым он защищался от меня в трактире, был именно зе-

леноватого оттенка. Значит, тогда мне не показалось. Запустит, посмотрит внимательно под ноги, пройдёт несколько метров, запустит – пройдёт. Так он пересёк весь стадион, а потом остановился в растерянности, оглядываясь.

– Неплохо, Даг, – услышала я знакомый голос. Инспектор Грет, наш куратор, оказался на первом ряду прямо подо мной, поэтому я не сразу его заметила.

– Я потерял след.

– Это не твоя вина, так задумано. Госпожа Тея, извольте спуститься за своей кошкой, раз уж вы сюда пришли.

У него что, на затылке глаза? Как он меня почуял?

– Ваша кошка забеспокоилась, – ответил он на мой незадаанный вопрос.

Ещё и мысли читает? Инспектор повернулся ко мне, любовался моим перекошенным лицом и успокоил:

– Да не читаю я ваши мысли, не надо на меня глядеть с таким ужасом. Ваша кошка нам немного помогла. А когда ей надоело, обманула нашего следопыта и спряталась под моей скамьёй. Даг, продемонстрируй госпоже Тее, свои умения.

Долговязый посмотрел на меня исподлобья.

– А на ком?

– Да пройдишь ещё разок по тому же следу, может, заметишь, где потерял его.

Даг с безразличным видом направился к началу пути, но оглянулся на меня, проверяя, смотрю ли я, и запустил свой зеленый огонь. Длинная полоса, напоминающая змею, по-

ползла над землёй, и я невольно ахнула от восхищения. На утопанной поверхности арены начала проступать чёткая цепочка следов. Когда зелёная змея поравнялась с тем местом, где стояла я, сомнений не осталось – следы кошачьи. Так вот, чем занята была моя кошка.

– Мне бы так уметь, – вырвалось у меня восхищённое.

Даг недоверчиво посмотрел в мою сторону и неожиданно улыбнулся. Мама права, похвали искренне человека, который что-то делает лучше тебя, и... пожалуй, я могу больше не ждать с этой стороны неприятностей.

На этот самый стадион я ворвалась, тяжело дыша. Опоздала, конечно. Ящеры уже крутились внизу на арене, а конкурники разбирали уздечки.

Магистр Рейнер буркнул невнятное «Наконец-то», но отвлекаться на выволочку не стал. Хоть мне и было некогда, но быстрый взгляд в сторону скамеек я бросила. Пусто, ни одного зрителя или зрительницы. У меня отлегло от сердца. Из четырнадцати парней, только двое раньше ездили на ящерах, оба с одной фермы по выращиванию рептилий. Им не составило труда отловить и оседлать своих запечатлённых, и Рейнер велел им отъехать подальше от нашего столпотворения. Он оказался хорошим преподавателем. Порыкивал на непонятливых, но тут же объяснял и показывал.

– Ну что, Рыжая, твоя очередь.

Рокси уже давно вертелась вокруг меня. Я видела, что де-

лают другие, но мне никак не удавалось надеть сложную систему ремешков на её голову. Чувствовала её любопытство, ей явно хотелось поиграть, и мои попытки оседлать её она воспринимала именно как игру. Только начну надевать уздечку на её треугольную морду, как эта самая морда словно случайно поворачивается ко мне или от меня и непременно под таким углом, что ремешки соскальзывают.

– Придерживай за выступ сбоку.

Рокси дёрнулась в очередной раз и довольно сильно боднула меня головой. Я зашипела от боли.

– Крепче держи, – рыкнул магистр, явно сдерживаясь от того, чтобы выругаться, – Настройся. Ты когда лезла через загородку, о чём думала? Назад дороги нет. Просто сделай это.

Кажется, я разозлилась. Рокси почувствовала это и на мгновение замерла. Я снова ухватила её, как показывал магистр, на этот раз вцепившись в ороговевший выступ до боли в пальцах, и когда Рокси снова попыталась вывернуться, рывкнула на неё. Моя девочка опешила, и я наконец-то смогла накинуть на неё уздечку. Теперь надо успеть застегнуть, пока не взбрыкнула. Получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.